

На правах рукописи

В. Ракачев

РАКАЧЕВ ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ

**НАСЕЛЕНИЕ КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ В 1930–1950-е гг.:
ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Краснодар 2018

Работа выполнена на кафедре истории России
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Научный консультант:

Ратушняк Валерий Николаевич,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар)

Официальные оппоненты:

Жирумская Валентина Борисовна,

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководи-
тель Центра изучения истории территории и населения России ФГБУН «Инсти-
тут российской истории РАН», (г. Москва);

Журавлева Вера Анатольевна,

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Социально-правовые и
гуманитарные науки» филиала ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государствен-
ный университет (национальный исследовательский университет)» в г. Злато-
усте;

Исупов Владимир Анатольевич,

доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором историко-
демографических исследований ФГБУН «Институт истории Сибирского отде-
ления РАН» (г. Новосибирск).

Ведущая организация:

ФГБУН «Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Ураль-
ского отделения РАН» (г. Сыктывкар).

Защита состоится 28 июня 2018 г. в 13 час. 00 мин. на заседании диссертаци-
онного совета Д 212.101.03 по защите докторских и кандидатских диссертаци-
й на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу:
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. E-mail: dissovet.fismo@kubsu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского
государственного университета. Электронная версия автореферата размещена
на сайте ВАК при Минобрнауки России: <http://vak.ed.gov.ru>. Диссертация и ав-
тореферат размещены на сайте Кубанского государственного университета:
<http://www.kubsu.ru>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
д-р ист. наук, д-р полит. наук, проф.

А.В. Баранов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Демографические процессы на протяжении всей истории человечества имели определяющее для его существования и развития значение. Оптимальная численность, высокие качественные характеристики, расширенное воспроизводство населения составляют основу благоприятной демографической ситуации, что, в свою очередь, обеспечивает успешное развитие государственной или национальной общности.

Для постсоветской России характерна сложная демографическая ситуация: отрицательный баланс в естественном движении населения, проблемные явления в брачно-семейной, половозрастной, этнической структуре, кардинальные изменения в миграции. Эти и другие подобного рода явления, и процессы обуславливают необходимость обращения к анализу исторических событий прямо или косвенно оказавших влияние на современные демографические процессы.

Проблематизация в области современной российской демографической действительности привлекает внимание научной общественности. Однако наряду с подлинно научными трудами в этой объектно-предметной области имеют место спекулятивные конструкции о характере демографического перехода в нашей стране, проводятся некорректные сопоставления с другими современными обществами и историческими эпохами.

Одним из самых спорных и неоднозначно трактуемых периодов российской истории стал период 1930–1950-х гг. На этом сравнительно небольшом отрезке времени произошли коренные изменения жизненных условий и демографических моделей поведения населения, существенно менялись численность населения, пропорции в этнической и половозрастной структуре, возникли и закрепились новации в брачно-семейных отношениях, профессиональной занятости, радикально изменилось соотношение городского и сельского населения, специфический вид приобрели миграции. Всё это стало результатом как исторически обусловленных процессов модернизации, так и специфических для российского общества экстремальных факторов: индустриализации, коллективизации и раскулачивания, Великой Отечественной войны, репрессий, депортаций, голода и проч. Демографические процессы, рассматриваемого периода задали вектор последующих долгосрочных изменений в численности, составе и структуре народонаселения советского общества и находят своё преломление в современной российской действительности.

Демографическая история 1930–1950-х гг. долгое время была «белым пятном» в российской историографии, материалы переписей и статистического учета, архивные документы были закрыты для исследователей. На сегодняшний момент российскими и зарубежными историками проделана большая работа в области исследования различных аспектов развития советского общества в период 1930–1950-х гг., в том числе и демографической истории. Однако внимательный анализ научных достижений позволяет констатировать наличие определенного несоответствия. Если в изучении общероссийских тенденций демографического развития этого периода в последние годы появились глубокие и содержательные научные исследования, то демографическая история от-

дельных регионов раскрыта недостаточно. Особенно это относится к использованию концептуальных теоретических построений, возможностей, предоставляемых наличием современной источниковедческой базы, вовлечения в познавательный процесс ресурса междисциплинарности.

В диссертации исследовательское внимание и действия обращены к населению регионов Кубани и Ставрополья, которое исторически сложилось и обрело свою качественную определенность в составе множества социальных, этнических и конфессиональных общностей, имеющих как автохтонное, так и переселенческое происхождение. Данные территории обладают ярко выраженным своеобразием социальных процессов, обусловленным множеством факторов. Это объясняет актуальность исследований, направленных на выявление региональной специфики демографических процессов, в том числе и исторических условий развития населения, что позволит осуществлять мониторинг демографической ситуации, демографическое прогнозирование, разрабатывать эффективные меры демографической и социальной политики.

Таким образом, научная актуальность проблемы обусловлена теоретической и практической потребностью в системном сравнительном социально-демографическом исследовании населения Кубани и Ставрополья 1930–1950-х гг. с учетом всех факторов его исторической и социальной обусловленности.

Степень разработанности проблемы. Изучение демографической истории традиционно носило междисциплинарный характер и в современной историографии наряду с гуманитарными, широко используются работы представителей социальных и естественных наук, что дает возможность более полного и глубокого рассмотрения проблемы.

В хронологическом плане работы, посвященные историко-демографической проблематике можно разделить на два больших блока: исследования советского и постсоветского периода, которые также внутренне не однородны, поскольку их содержание во многом зависело от конкретной политической ситуации в стране. Представляется возможным выделить следующие этапы в отечественной историографии исследуемой проблемы: 1) 1930-е – первая половина 1950-х гг.; 2) вторая половина 1950-х – первая половина 1980-х гг.; 3) середина 1980-х – до настоящего времени.

Массив исторических исследований демографического развития советского общества включает наряду с отечественными работами труды зарубежных авторов. Они представляют своего рода альтернативный взгляд на советскую историю, который эволюционировал в условиях изменяющейся социально-политической реальности.

Рассмотрим более подробно выделенные историографические периоды.

Первый этап (1930 – первая половина 1950-х гг.). Сложившаяся социально-политическая ситуация в стране, установившаяся тоталитарная система стали серьезным препятствием на пути объективного и всестороннего изучения социально-демографических явлений. Им придавалось второстепенное значение, что в последствие решило судьбы отдельных научных работ и демографической науки в целом. Для исследований 1930–1950-х гг. характерно идеологическое содержание и достаточно ограниченный круг вопросов, освещаемых авто-

рами. В то же время, происходит развитие теоретико-методологической базы демографических исследований¹.

Под «идеологический запрет» попали результаты Всесоюзной переписи 1937 г., а данные переписи 1939 г. были скорректированы в соответствии с властными установками, однако и они публиковались весьма ограничено². Недоступность статистической информации усложняла демографические расчеты и один из наиболее важных вопросов – численность демографических потерь Великой Отечественной войны долгое время оставался закрытым, в свободном доступе была лишь официально одобренная информация. Недостаток достоверных источников сводил научный анализ демографических проблем к общим замечаниям и выводам.

Второй этап (вторая половина 1950-х – первая половина 1980-х гг.). XX съезд КПСС (1956 г.) и последовавшая за ним либерализация советского общества, положили начало новому периоду в истории страны и в развитии научных исследований. В этот период наблюдается оживление в изучении демографических проблем. Наблюдается процесс возрождения демографической науки, появляются работы советской демографической школы, становятся доступными некоторые ранее закрытые статистико-демографические данные.

Исследователи обращаются к теме демографических последствий войн (Б.Ц. Урланис, Ю.В. Арутюнян, А.Я. Боярский, Ю.А. Поляков и др.),³ в научный оборот вводятся труды зарубежных авторов, в том числе и в области исторической демографии. Помимо работ, посвященных военным событиям и их последствиям в масштабах страны, появляются исследования, посвященные анализу этих процессов в регионах страны.

Приоритетными направлениями демографических исследований советских ученых в этот период становятся проблемы воспроизводства населения, влияния социальных факторов на демографические процессы, трансформация советской семьи, миграция и методы ее управления и др. Эти вопросы нашли отражение в трудах Г.Е. Ананьевой, А.П. Судоплатова, А.Г. Вишневого, М.Г. Григорьянц, А.И. Гозулова, А.Я. Кваши, М.В. Курмана, Е.А. Садвокасовой, Б.Ц. Урланиса, В.И. Переведенцева, Л.Л. Рыбаковского и др.⁴

¹ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930; Боярский А.Я. Статистика населения. М., 1938; Старовский В.Н. Азбука статистики. М., 1936.

² Бузин Д. Население страны социализма: К итогам Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г. // Проблемы экономики. 1939. № 5. С. 35–46.

³ Урланис Б.Ц. Войны и народонаселения Европы. Людские потери в вооруженных силах в войнах XVII–XX вв. М., 1960; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986; Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; Боярский А.Я. К вопросу о естественном движении населения в России и в СССР в 1915–1923 гг. // Население и методы его изучения. М., 1975.

⁴ Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Народонаселение СССР. М., 1969; Ананьева Г.Е., Судоплатов А.П. Историческая демография // Система знаний о народонаселении. М., 1976; Кваша А.Я. Динамика численности населения СССР за 50 лет // Здравоохранение Российской Федерации. 1967. № 12. С. 10–13; Курман М.В. Актуальные вопросы демографии: Демографические процессы в СССР в послевоенный период. М., 1976; Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969; Урланис Б.Ц. Рождаемость

Важным стимулом к изучению населения стала очередная Всесоюзная перепись населения 1959 г. Накануне проведения переписи наблюдался рост публикаций методико-методологического характера, связанных с требованиями и особенностями проведения переписей, разъясняющих необходимость и важность учета населения. Ряд исследователей обращается к материалам предыдущих переписей, в частности переписи 1939 г.

Материалы переписи 1959 г. были введены в научный оборот, помимо публикации собственно результатов переписи, появляются работы аналитического характера. Особое внимание при изучении населения уделяется этнической структуре, что было обусловлено многонациональным составом населения страны и особенностями национальной политики советского государства. Это стимулировало теоретические и эмпирические исследования этнодемографических проблем в 1960–1980-е гг. в работах В.И. Козлова, В.В. Покшишевского, Г.А. Бондарской и др.¹

В этом направлении развиваются исследования демографических процессов в северокавказском регионе², авторы которых поднимают вопросы, ранее закрытые для обсуждения. Это труды А.С. Бежковича³, который опираясь на материалы переписей населения СССР 1926 г. и 1959 г., впервые предпринял попытку объяснить факт резкого сокращения численности украинского населения на Кубани в 1930-е гг. Н.И. Платунов⁴ исследует советскую переселенческую политику, в том числе компенсаторные миграции красноармейцев на Кубань и Ставрополье, Е.И. Турчанинова⁵ специфику коллективизации на Ставрополье. Однако, изданные относительно небольшими тиражами, эти труды остались практически незамеченными. Идеологические условия советского общества не способствовали изучению и обсуждению дискуссионных вопросов демографического развития региона в 1930–1950-е гг., хотя и обозначили будущие направления исследований.

Новый импульс анализ проблем демографической истории 1930–1950-х гг.

и продолжительность жизни в СССР. М., 1963; Волков А.Г. Влияние урбанизации на демографические процессы в СССР // Проблемы современной урбанизации. М., 1972. С. 105–124; Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М., 1973; Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М., 1975.

¹ Козлов В.И. Национальности СССР: Этнодемографический обзор. М., 1982; Покшишевский В.В. Этнические процессы в городах и некоторые проблемы их изучения // Советская этнография. 1969. № 5. С. 3–15; Бондарская Г.А. Рождаемость в СССР (Этнодемографический аспект). М., 1977.

² Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / отв. ред. К.В. Чистов. М., 1967; Волкова Н.Г. Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII–XX вв. // Советская этнография. 1971. № 2. С. 38–47; Невская Н.И. Особенности воспроизводства населения Северного Кавказа // Развитие и размещение производительных сил Северного Кавказа: Сборник статей. Ростов н/Д, 1972. С. 112–125.

³ Бежкович А.С. Современный этнический состав населения Краснодарского края: Доклады по этнографии Географического общества СССР. Л., 1967. Вып. 5.

⁴ Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976.

⁵ Турчанинова Е.И. Подготовка и проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства в Ставрополье. Душанбе, 1963.

приобретает на третьем этапе, начавшемся с середины 1980-х гг. Это связано, прежде всего, с открытием архивов и доступом к новым источникам, что позволило постепенно воссоздать картину численности, состава, естественного движения населения страны и других демографических показателей по материалам Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. Научный интерес исследователей был также направлен на определение степени их достоверности и пригодности для анализа демографических процессов¹.

Ученые обращаются к теме демографических кризисов и катастроф, специфики взаимодействия власти и общества в контексте общероссийских процессов (В.А. Исупов, С.И. Голотик, В.В. Минаев)².

Среди историко-демографических работ, опубликованных в 1990-е гг. – первом десятилетии XXI в., необходимо выделить исследования В.Б. Жиромской, посвященные проблемам развития населения СССР в 1930–1960-х гг. Анализируя процессы естественного движения, В.Б. Жиромская делает вывод о том, что определяющим фактором в рассматриваемый период была сверхсмертность населения. Автором детальному анализу подвергнуты материалы переписей 1937 и 1939 гг., предложена методика определения приписок, использованных при фальсификации материалов переписи 1939 г., позволившая определить реальную численность населения страны и отдельных регионов³.

Важное значение для понимания механизмов демографической трансформации в стране на протяжении XX в. имеют работы А.Г. Вишневого. Процессы демографического перехода, особенности и последствия демографической модернизации рассматриваются им с привлечением широкого круга разнообразных источников, в том числе и исторических⁴.

Процессу советской модернизации – форсированному переходу от традиционного сельского общества к городскому, посвящена работа А.С. Сенявского. Происходившие социально-демографические процессы в стране автор рассматривает с точки зрения «урбанизационного перехода», как важнейшей части исторического процесса⁵.

Наряду с изучением собственно демографических процессов значительное внимание уделяется исследователями проблемам трансформации социальных

¹ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России: 1927–1957. М., 1998; Лившиц Ф.Д. Перепись населения 1937 года // Демографические процессы в СССР. М., 1990. С. 174–203; Волков А.Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. М., 1990. Вып. 3–5 (ч. II). С. 6–63; Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996.

² Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000; Голотик С.И., Минаев В.В. Население и власть. Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М., 2004.

³ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001; Она же. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012.

⁴ Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Он же. Демографическая революция: 2-е изд. М., 2005; Демографическая модернизация России: 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006.

⁵ Сенявский А.С. Урбанизация в России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003.

институтов, связанных с процессами воспроизводства (Н.А. Араловец, О.М. Вербицкая)¹, демографическому развитию отдельных регионов России (г. Москвы – И.Н. Гавриловой; Западной Сибири – В.А. Исупова; Республике Коми – И.Л. Жеребцова; Северо-Восточной Сибири – С.И. Сивцевой; Урала – В.А. Журавлевой и др.)². Особенности и закономерности демографических процессов на Северном Кавказе рассмотрены В.М. Кабузаном³.

Появляются работы региональных исследователей, раскрывающие историко-демографические проблемы Северного Кавказа, в т.ч. Кубани и Ставрополя: В.С. Белозерова, М.Ю. Макаренко, В.Н. Ракачева, Я.В. Ракачевой⁴.

К началу 2000-х гг. осознается необходимость создания на основе многочисленных исследований обобщающих трудов историко-демографического характера. В их числе особо стоит отметить трехтомное издание «Население: России в XX веке: Исторические очерки»⁵. В этой фундаментальной работе подготовленной ведущими демографами России под редакцией Ю.А. Полякова, впервые в отечественной истории была представлена целостная картина демографических процессов в стране, был введен в научный оборот обширный архивный материал.

Снятие идеологических ограничений на данном этапе дало толчок изучению ранее закрытой для исследователей темы – репрессивной политики советского государства. В числе первых в этом направлении стали работать историки-эмигранты и зарубежные исследователи А.М. Некрич, М.С. Геллер, Р. Конквест, С. Максудов и др.⁶ Статистические показатели, приведенные в их работах, основывались на косвенных данных и примерных расчетах, имели слабую

¹ Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009; Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992; Она же. Российская сельская семья в 1987–1959 гг. (историко-демографический аспект). М.; Тула, 2009.

² Гаврилова И.Н. Население Москвы: исторический ракурс. М., 2001; Журавлева В.А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск, 2012; Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991; Он же. Мобилизация людских ресурсов Западной Сибири на защиту Родины (1941–1945 гг.). Новосибирск, 2010; Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Сельское население Коми в середине XIX–XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар, 2005; Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998; Сивцева С.И. Демографическая история Якутии (1941–1945 гг.) / отв. ред. В.Б. Жиромская. Новосибирск, 2012.

³ Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. СПб, 1996.

⁴ Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005; Макаренко М.Ю. Население Северного Кавказа в конце XIX – первой четверти XX века: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2009; Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование. Т. 1–2. Краснодар, 2005–2007; Ракачев В.Н. Этнодемографические процессы на Кубани в XX веке. Краснодар, 2002.

⁵ Население: России в XX веке: исторические очерки / отв. ред. Ю.А. Поляков. В 3-х т. М., 2000–2012.

⁶ Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти: история Советского Союза с 1917 года до наших дней. 3-е изд. London, 1989; Геллер М.С. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994; Конквест Р. Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом. Лондон, 1988; Максудов С. Потери населения СССР. Benson, 1989.

документальную базу, но они положили начало целенаправленному изучению «белых пятен» в демографической истории советского общества.

В 1990-е – начале 2000-х гг. выходят работы, объективно оценивающие масштабы и последствия раскулачивания, голода и политических репрессий и т.д.: Н.А. Ивницкого, В.В. Кондрашина, Е.А. Осокиной, Н.С. Тарховой, Д.Н. Хубовой¹.

Расширился спектр вопросов, рассматриваемых в региональной историографии, освещаются новые аспекты процессов коллективизации, раскулачивания, голода на Кубани и Ставрополье².

Значительное место проблеме голода 1932–1933 гг. на Украине и Северном Кавказе отводится в украинской научной литературе³. Однако, в большинстве своем эти работы не избежали влияния современной политики Украины с ее риторикой об организованном и целенаправленном со стороны России характере голода, широко используемого в общественном дискурсе термина «голодомор». Придание политического смысла научным работам, намеренное дистанцирование от российских ученых, занимающихся этими проблемами, сузили исторический дискурс, способствовали тенденциозному анализу исторических источников.

Более взвешенным представляется взгляд на эту проблему российских исследователей (В.В. Кондрашина, Н.А. Ивницкого и др.) подчеркивающих невозможность разделения голодающих регионов на Украину, Северный Кавказ с одной стороны и остальные регионы, с другой. Давая оценку драматическим событиям отечественной истории начала 1930-х гг. российские ученые выступают против политизации проблемы голода, и прежде всего против позиции выдвигаемой рядом украинских исследователей, определяющих голод на Украине как целенаправленный геноцид украинского народа⁴.

¹ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994; Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008; Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 г.: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 17–26; Хубова Д.Н. Черные доски: tabula rasa: Голод 1932–1933 годов в устных свидетельствах // Голод 1932–1933 годов: Сб. статей. М., 1995. С. 67–88; Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М., 2010.

² Осколков Е.Н. Голод 1932–1933 гг. Хлебозаготовки и голод 1932–33 гг. в Северокавказском крае. Ростов-н/Д, 1991; Ратушняк В.Н. Хлеб ценою голода // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Материалы I регион. науч. конф. Краснодар, 2003. С. 23–24; Щетнёв В.Е. Коллективизация, раскулачивание, голод 1932–1933 гг. глазами партийно-советских руководителей // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Материалы II регион. науч. конф. Краснодар, 2004. С. 83–86; Мальцева Н.А. Очерки истории коллективизации на Ставрополье. Ставрополь, 2009.

³ Командири великого голоду: Поїздки В. Молотова і Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ. 1932–1933 рр. / за ред. В. Васильева, Ю. Шаповала. Київ, 2001; Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки / під ред. В.А. Смолія. Київ, 2003; Кульчицкий С.В. Голодомор 1932–1933 рр. як геноцид: труднощі усвідомлення. Київ, 2008; Захаров Е. Чи можна кваліфікувати Голодомор 1932–1933 роки в Україні та на Кубані як геноцид? Харків, 2008.

⁴ Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов: Кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 43–66; Кондрашин В.В. Указ. соч.

Социологический анализ голода предпринят в классическом труде П.А. Сорокина «Голод как фактор»¹. Уникальный по своему характеру труд основан на огромном количестве фактического материала голода 1920-х гг. в РСФСР. Подготовленная в 1922 г. работа была издана в России лишь в 2003 г. Для нашего исследования труд П.А. Сорокина ценен в теоретическом и методологическом плане и позволяет взглянуть на голод как механизм управления обществом, как своеобразный инструмент подавления и манипуляции.

Другим аспектом отечественной истории 1930–1950-х гг., прямо и косвенно повлиявшим на демографические процессы, была репрессивная политика советской власти, сопровождавшаяся значительными человеческими жертвами и массовыми принудительными перемещениями населения (депортациями). Данная политика и ее последствия долгое время оставались «белым пятном» в истории страны и получили освещение в научной литературе лишь с конца 1980-х гг. Это работы И.И. Алексеенко, Н.Ф. Бугая, А.М. Гонова, В.П. Данилова, В.Н. Земскова, Н.А. Ивницкого, А.Д. Койчуева, А.Н. Коцониса, С.А. Кропачева, П.М. Поляна, О.В. Хлевнюка, А.С. Хунагова, В.Е. Щетнёва и др.² Появление этих работ, подготовленных на архивных документах позволило перевести дискуссию о репрессиях и депортациях в научное русло, исключить работы, основанные на домыслах.

Создано большое число работ зарубежных авторов (В.А. Андерсон, Р. Биннер, А. Блум, Л. Виола, А. Грациози, Р.У. Дэвис, М. Меспуле, Х.Р. Роланд, Б.М. Таугер, С.Г. Уиткрофт, Ш. Фитцпатрик, М. Юнге и др.),³ посвященных этой теме. Иностранные исследователи также не были свободны от

¹ Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003.

² Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (1920–1960-е годы). М., 1998; Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР выселить греков» (о депортации греков в 1930–1950 годы). М., 1999; Данилов В.П. Сталинизм и советское общество // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Материалы II регион. науч. конф. Краснодар, 2004. С. 4–9; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005; Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004; Хлевнюк О.В. 1937 год: противодействие репрессиям // Они не молчали. М., 1991. С. 24–43; Койчуев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Ростов н/Д, 1998; Кропачев С.А. Десять лет, изменившие страну // Проблемы отечественной истории и историографии середины 1930–1940-х годов: Сб. науч. ст. Краснодар, 2006; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения...»: Депортация народов Юга России. 20–50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999; Алексеенко И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX века. Краснодар, 1993.

³ Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003; Блум А. Родиться, жить и умереть в СССР. М., 2005; Graziosi A. Lettered a Kharkov. La carestia in Ucraina e nel Caucaso del Nord nei rapporti dei diplomati italiani, 1932–1933. Torino, 1991; Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford, 1999; Viola L. Contending with Stalinism: Soviet power and popular resistance in the 1930s. Ithaca, 2002; Wheatcroft S.G. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960 // Slavic Review. Cambridge, 1999. Vol. 58. № 1. P. 159–165; Davies R.W., Wheatcroft S.G. The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933. N.Y., 2004.

идеологических пристрастий, но для нас они представляют интерес как своего рода «взгляд со стороны» на проблемы политических репрессий голода и их влияния на демографические процессы.

Один из важных методологических выводов, к которому приходят исследователи, вывод об определяющем влиянии советской национальной политики на развитие народов страны, в том числе на этнодемографические процессы. Политика нациестроительства и коренизации, ее влияние на демографические процессы рассмотрены в работах И.А. Тверитинова, Т.П. Хлыниной, А.Е. Тер-Саркисянц, В.Г. Шнайдера и др.¹

Малоизученным на протяжении выделенного историографического периода оставался вопрос об украинизации (в рамках политики коренизации) Кубани и ее этнодемографических последствиях. Этой проблеме посвящены работы российских исследователей И.Г. Иванцова², И.Ю. Васильева³, украинского историка Д.В. Бачинского⁴. Последний дистанцируется от политических штампов, в его работе приводится статистический материал как по расселению украинцев в РСФСР, так и по числу украинизированных учебных заведений.

Пересматривается и во многом по-новому переоценивается в изменившихся общественно-политических условиях история Великой Отечественной войны. Подвергаются сомнению цифры прямых и косвенных потерь страны в войне. Используя новые архивные документы и широко привлекая методы математического и статистико-демографического анализа исследователи осуществляют оценку людских потерь (А.Я. Кваша, Л.Е. Поляков, Л.Л. Рыбаковский, С.А. Кропачев, Е.Ф. Кринко, Г.Ф. Кривошеев и др.)⁵. Значительный блок трудов, посвященных Великой Отечественной войне и ее последствий для Кубани и Ставрополя представляют работы региональных исследователей⁶.

¹ Тверитинов И.А. Национально-территориальное строительство в Северо-Восточном Причерноморье и на Кубани // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 21–27; Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003; Шнайдер В.Г. Нациестроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. Армавир, 2007; Тер-Саркисянц А.Е. Национальные меньшинства Краснодарского края Российской Федерации: история и современное положение // Северный Кавказ: этнополитические и этнокультурные процессы в XX веке. М., 1996. С. 138–182.

² Иванцов И.Г. Украинизация Кубани в документах комиссий внутривластного контроля ВКП(б). 1920-е – начало 1930-х гг. Краснодар, 2009.

³ Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, 2010; Он же. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). М., 2014.

⁴ Бачинський Д.В. Українізація 1920-х – початку 30-х років та інтелігенція: навч. посібник. Чернівці, 2010.

⁵ Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг. масштабы и формы. Отечественная историография. М., 2012; Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне // Прикладная демография (работы 2001–2003 гг.). М., 2003. С. 53–142; Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф. Кривошеев и др. М., 2010.

⁶ Петренко Т.А., Линец С.И. Эвакуационный процесс на Ставрополье летом 1942 года: успехи и неудачи. Пятигорск, 2005; Мещерякова А.В., Линец С.И. Сельское хозяйство Ставро-

Исследования по изучению восстановительного послевоенного периода ориентированы не только на хозяйственно-экономический аспект, но и на социально-политический: возвращение репатриантов и военнопленных, трудности реадaptации, социально-психологические проблемы послевоенной жизни находят отражение в работах национального и регионального уровня¹.

Вопросы послевоенного голода, ставшего тяжелым испытанием для еще не вполне восстановившей свои силы после войны страны, рассматривают в своих работах В.П. Попов, В.Ф. Зима и др.²

Отдельную группу исследований составляют работы социологов, географов, историков, статистиков,³ косвенно затрагивающих проблемы динамики населения страны и региона в изучаемый период, его структуры, факторов, определявших эти изменения. Данные работы важны прежде всего с теоретико-методологической точки зрения, поскольку позволяют подвести концептуальную базу под обширный фактический материал.

В последние годы появляется всё больше работ, основанных на междисциплинарном подходе, интерес к проблемам населения проявляют не только историки, демографы, этнологи, социологи, но и математики. Методы точных наук позволяют проводить ретроспективный анализ развития народонаселения. В этом направлении выполнены работы А.В. Коротаева, А.С. Малкова, Д.А. Халтуриной, Д.М. Эдиева, В.Н. Ракачева, А.А. Халафяна и др.⁴

Ряд аспектов проблемы, исследуемой в работе, затронуты в диссертацион-

польского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Пятигорск, 2006; Кринко Е.Ф. Миграции населения на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: причины и последствия // *Historia Caucasia: Региональный исторический сборник научных статей*. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 58–77; Малышева Е.М. Вермахт и оккупация: Теория и практика // *Вопросы теории и методологии истории*. Майкоп, 1997. Вып. 2. С. 96–101;

¹ Земсков В.Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных // *Социологические исследования*. 1991. № 1. С. 13–16; Стругова М.Р. Репатриация советских граждан в Краснодарский край в 1945–1946 гг. // *Голос минувшего*. Краснодар, 2000. № 3–4. С. 31–39; Сеитова Э.И. Переселенческий билет: трудовая миграция в Крым (1944–1976). Симферополь, 2013; Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002.

² Попов В.П. Голод и государственная политика: 1946–1947 гг. // *Отечественные архивы*. 1992. № 6. С. 36–40; Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.

³ Миронов Б.Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // *Отечественные записки*. 2012. № 2. С. 259–276; Пироженко О.Ю. Теоретические основы исследования урбанизации как фактора пространственного развития территории // *Наука й економіка*. Хмельницький, 2012. № 4 (28). С. 287–294; Шупер В.А. Почему не происходит сжатие социально-географического пространства // *Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования*. М., 2010. С. 67–73.

⁴ Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М., 2005; Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов. Ставрополь, 2003; Ракачев В.Н., Халафян А.А. Оценка численности населения Кубани в 1930–1940-е гг. с использованием методов статистического моделирования // *Историческая и социально-образовательная мысль*. Краснодар, 2012. № 5 (15). С. 150–156.

ных исследованиях, выполненных по разным научным направлениям.

Таким образом, анализ литературы по теме исследования свидетельствует об её недостаточной исторической изученности и отсутствии обобщений по уже введенным в научный оборот статистическим данным о демографическом развитии населения Кубани и Ставрополья. Перечисленные выше работы отражают лишь отдельные аспекты проблемы и концентрируются на рассмотрении демографического развития СССР/РСФСР в целом, демографические процессы на Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг. до сих пор не являлись объектом комплексного самостоятельного научного исследования. Исходя из этого, строилась логика определения объекта, предмета, целей и задач диссертационного исследования.

Объектом диссертационного исследования является население двух российских регионов – Кубани и Ставрополья, которое выступает в качестве специфических социально-территориальных общностей, с присущим им региональным своеобразием в демографических процессах.

Предметом исследования являются характер и тенденции демографических изменений в населении Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.

Цель и задачи исследования. Исходя из степени изученности темы, цель работы определена как выявление характера и тенденций демографических изменений в населении Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг. в их исторической обусловленности и преемственности.

Для достижения цели в исследовании определены **следующие задачи:**

- сформировать комплекс методологических подходов и теоретических средств, ориентированных на исследование истории социально-демографических изменений;

- определить характер и динамику численности, показать качественную специфику населения Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг., выявить основные этапы демографического развития региона в исследуемый период;

- выявить особенности территориального распределения населения на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг., определить изменение поселенческой структуры региона;

- раскрыть характер и особенности процессов воспроизводства населения: рождаемости, смертности, брачности и разводимости на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг. в их исторической преемственности и обусловленности;

- установить состояние и тенденции изменений в демографических и социальных структурах населения Кубани и Ставрополья на протяжении 1930–1950-х гг.;

- определить характер и специфику миграционных процессов в 1930–1950-е гг. на Кубани и Ставрополье;

- выявить общие и различные черты в демографическом развитии Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг., определить решающие факторы данного развития.

Территориальные рамки исследования охватывают территории Кубани и Ставрополья – историко-географических областей, занимающих простран-

ство Северо-Западного Кавказа. Сегодня эти территории включают Краснодарский и Ставропольский края, Республики Адыгею и Карачаево-Черкесию. В данной работе в рассматриваемый период 1930–1950-х гг. территории Кубани в административно-территориальном плане с 1924 по 1934 гг. были частью Северо-Кавказского края, а с 1934 по 1937 гг. – Азово-Черноморского края в составе Кубанского, Армавирского, Майкопского и Черноморского округов и Адыгейско-Черкесской АО. С 1937 г. на этих территориях был образован Краснодарский край, с входившей в его состав Адыгейской автономной областью. Территории Ставрополя, находившиеся с 1924 по 1937 гг. в составе Ставропольского и Терского округов, были также включены в Северо-Кавказский край. Туда же были отнесены Карачаевская и Черкесская АО. С 1937 г. эти территории были частью Орджоникидзевского края, а в 1943 г. был образован Ставропольский край с входившими в его состав Карачаевской и Черкесской автономными областями (с 1958 г. – Карачаево-Черкесской АО).

Учитывая подвижность административно-территориальных границ Кубани и Ставрополя, расчет статистико-демографических показателей в работе проводился в соответствии с происходившими административно-территориальными изменениями.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1930–1950-х гг. Данный период является одним из самых насыщенных и трагических в современной истории России. Значительная часть этого временного отрезка пришлось на время руководства страной И.В. Сталина, вследствие чего в историографии он часто определяется как «сталинский период».

Учитывая междисциплинарный характер исследования, внутренняя структура работы определяется логикой демографических изменений в их взаимосвязи с ключевыми историческими этапами, а также базовым фактическим материалом (данными всесоюзных переписей населения – 1926, 1937, 1939, 1959 гг.).

Методологические основы работы. Методологическую основу диссертационного исследования образуют базовые положения теории модернизации, в ее отнесенности к изучению истории социально-демографических явлений и процессов, в частности таких ее теорий как демографический, урбанизационный и миграционный переходы.

Методологическими принципами, использовавшимися в диссертационном исследовании, стали принципы научности, объективности, системности.

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составляют научные положения и выводы отечественных и зарубежных историков и демографов: В.А. Борисова, А.Я. Боярского, А.Г. Вишневого, А.Г. Волкова, В.Б. Жиромской, А.Я. Кваши, Д.И. Валентея, Ю.А. Полякова, Э. Росета, Л.Л. Рыбаковского, Б.Ц. Урланиса, Д.К. Шелестова и др.¹

¹ Борисов В.А. Демографическая дезорганизация России, 1897–2007: избранные демографические труды. М., 2007; Боярский А.Я. Население и методы его изучения. М., 1975; Вишневский А.Г. Время демографических перемен: избранные статьи. М., 2015; Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX в. М., 2012; Валентей Д.И. Изучение народонаселения: вопросы методологии. М., 1987; Кваша А.Я. Проблемы эконо-

Задачи диссертационного исследования решались путем применения междисциплинарного подхода, широко использовались положения и методы демографической науки, истории, статистики, социологии, экономики.

Одним из основополагающих в диссертационном исследовании стал конкретно-исторический метод, позволяющий изучать демографические события и процессы во всей их специфике, с учетом конкретных исторических условий, влияющих на территориальные особенности воспроизводства населения.

Применяемый в работе историко-генетический метод позволил установить причинно-следственную связь между происходящими на разных исторических этапах социально-экономическими и политическими процессами, с одной стороны и изменениями в демографической подсистеме – с другой, выявить и объяснить причины и последствия тех или иных событий, влияющих на эти изменения.

Сравнительно-исторический метод позволил сопоставить полученные диссертантом данные как внутри выделенных хронологических и территориальных рамок, так и с данным полученными исследователями по другим административно-территориальным образованиям, а также в РСФСР и СССР.

Анализ демографических изменений на протяжении рассматриваемого временного периода осуществлялся с использованием проблемно-хронологического метода.

Применение в работе системного подхода позволило рассмотреть исследуемые события в их взаимосвязи и взаимообусловленности, как компоненты целостной социальной системы, с определенной структурой и подвергающейся воздействию окружающей ее среды. Применяемые в работе структурно-функциональный и синергетический подходы рассматривались в рамках системного подхода.

Значительная часть данных используемых в работе: коэффициенты, индексы, относительные и абсолютные показатели, были получены на основе использования статистических и математических методов. При анализе статистических данных, составлении таблиц и диаграмм использовалось современное программное обеспечение.

Понятийный аппарат диссертационного исследования включает в себя, прежде всего, такие базовые термины демографической науки как население, воспроизводство, смертность, рождаемость, брачность, урбанизация, демографические структуры, процессы и проч.

Аналитические процедуры в отношении населения рассматриваемых регионов проведены посредством выделения его основных структур: половозрастной, брачной, этнической, образовательной, профессиональной, пространственной и проч. Учтена их взаимосвязь и взаимообусловленность, пространственная и временная динамика.

мико-демографического развития СССР. М., 1974; Историческая демография: проблемы, суждения, задачи / отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 1989; Россет Э. Процесс старения населения. М., 1968; Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 1: Мировые миграции: исторические фрагменты и их детерминанты. М., 2016; Шелестов Д.К. Историческая демография. М., 1987.

Активно используя эти принципы и подходы в данной работе, автор признает определяющую роль теоретико-методологических достижений отечественной и зарубежной науки в исследовании демографической истории России 1930–1950-х гг. и стремится полноценно использовать их эвристический потенциал.

Источниковой базой исследования послужили документы и материалы, различные по происхождению и содержанию, которые можно разделить на несколько групп.

1. *Статистические источники.* В рассматриваемый период в стране были проведены три всеобщие переписи населения: 1937, 1939 и 1959 гг. Их материалы образуют каркас статистических данных, использованных в диссертационном исследовании. Также к анализу были привлечены данные Всесоюзной переписи 1926 г., позволившие проследить демографическую динамику на более продолжительном по времени отрезке. Материалы переписей представляются наиболее полным с точки зрения многообразных характеристик населения статистическим источником. Однако для всестороннего анализа они должны быть дополнены данными текущего статистического учета населения. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Кубани и Ставрополью представлены томами 5, 9, 17, 22 и 39.

Значительным фактом в изучении демографических изменений в СССР послужила публикация документов и материалов Всесоюзной переписи населения 1937 г. Ю.А. Поляковым, В.Б. Жиромской, И.Н. Киселевым.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. стали доступны благодаря опубликованной в 1992 г. работе «Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги»¹. Она явилась первым полным изданием посвященным данной переписи, вместе с тем представленный в ней материал давал лишь общие ознакомления с демографическими процессами, происходившими в СССР в этот период и не отражал большинство демографических показателей по Кубани и Ставрополью.

Данные Всесоюзной переписи 1959 г., вследствие либерализации советского общества стали более доступны для изучения. В опубликованных материалах переписи² содержались и отдельные сравнительные таблицы с данными переписей 1939 и 1926 гг. Разрозненный демографический материал представлен в статистических сборниках широко используемых в работе.

Основным источником статистических данных о развитии народонаселения СССР в 1930–1950-х гг. послужили материалы Российского государственного архива экономики (РГАЭ). Здесь были изучены материалы фонда 1562 «Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР», фонда 4372 «Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР)» и фонда 5675 «Учреждения по руководству переселением в СССР. 1925–1942, 1949–1954».

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / сост. Ю.А. Поляков и др.; авт. коммент. Н.А. Араловец и др. М., 1992.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963.

Значительный массив статистических данных о естественном движении населения, брачности, разводимости, здравоохранению и др. представлен в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ): фонд А-374 «Государственный комитет РСФСР по статистике (Госкомстат РСФСР)»; фонд Р-5446 «Совет Народных Комиссаров СССР – Совет Министров СССР. 1923–1991»; фонд Р-9414 «Главное управление мест заключения (ГУМЗ) Министерства внутренних дел СССР»; фонд Р-9415 «Главное управление милиции»; фонд Р-9479 «4-й Спецотдел Министерства внутренних дел СССР (Отдел спецпоселений)».

Из фондов Государственного архива Краснодарского края (ГАКК) были использованы материалы: фонд Р-1246 «Статистическое управление Краснодарского края. 1937–1990 гг.»; фонд Р-1393 «Краснодарский краевой отдел здравоохранения». В Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) представлен фонд 1774-А «Краснодарский крайком ВКП(б)». Статистический материал по Ставропольскому краю представлен в материалах Государственного архива Ставропольского края (ГАСК): фонд Р-1886 «Статистическое управление Ставропольского края (ЦСУ СССР и ЦСУ РСФСР)»; Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК): фонд 1 «Ставропольский краевой комитет ВКП(б) – КПСС».

2. *Документы органов партийной и государственной власти.* Первые опубликованные информативные и доступные сборники о проведении коллективизации появляются в 1970-х гг.¹ Но широкая публикация архивных документов начинается только в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Издаются фундаментальные сборники документов и материалов содержащие фактологический и архивный материал по теме коллективизации, голода, репрессий и др.²

Также в работе использованы материалы региональных архивов, представ-

¹ История индустриализации СССР: 1929–1932 гг. Документы и материалы / отв. ред. В.Е. Полетаев. М., 1970; Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.): материалы и документы / под ред. П.В. Семернина, Е.Н. Осколкова. Краснодар, 1972; Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани (1927–1941 гг.): Сборник документов и материалов / сост. Н.С. Вертышева и др. Краснодар, 1981. Т. 2.

² Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2005; Трагедия Советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999–2006; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. / отв. ред. Н.Н. Покровский. М., 2005. Кн. 1; Голод в СССР. 1930–1934 гг. Сборник документов / сост. О.А. Антипова и др. М., 2009; Голод в СССР. 1929–1934: В 3-х т. / отв. сост. В.В. Кондрашин. М., 2012–2013; «По решению Правительства Союза ССР...»: Сборник документов / сост., авторы введения, комментариев Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик, 2003; Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / вступ. ст., сост., послесл. Н. Бугай. М., 1992; Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957): Материалы и документы / под ред. З.Б. Караевой, И.М. Шаманова. Черкесск, 1993; Сталинские депортации. 1928–1953 / под общ. ред. А.Н. Яковлева; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы / сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев, В.Г. Хлопов, И.Н. Шевчук. В 3-х т. М., 2000; Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953 / сост.: Л.П. Кошелева, О.В. Хлевнюк (отв. сост.) и др. М., 2013.

ленные в сборниках документов и материалов по Кубани и Ставрополью¹.

Вместе с тем, для решения исследовательских задач работы, были привлечены материалы центральных и региональным архивов. Процессам коллективизации, раскулачивания, репрессиям, высылки и голода на Кубани и Ставрополье изменивших демографическую карту региона посвящен большой объем документов в центральных и региональных архивах: ГАРФ: фонд Р-5446; фонд Р-9414; фонд Р-9479; фонд А-374; РГАЭ: фонд 8040 «Министерство хлебопродуктов СССР»; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ): фонд 17 «Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991); фонд 81 «Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991)»; фонд 82 «Молотов Вячеслав Михайлович»; фонд 558 «Сталин Иосиф Виссарионович». В ГАКК: фонд Р-580 «Исполнительный комитет Славянского районного совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, станица Славянская Кубанского округа Северо-Кавказского края, 1924–1939 гг.»; фонд Р-577 «Приморско-Ахтарский районный ЦИК»; фонд Р-687 «Исполнительный комитет Краснодарского краевого Совета народных депутатов, Краснодарский краевой Совет народных депутатов, г. Краснодар, 1937–1994 гг.». В ЦДНИКК представлены документы Краснодарского краевого комитета ВКП(б) – фонд 1774-А, а также районных комитетов: фонды 162, 1072, 1075, 1222, 1384, 1863, 2662. В ГАСК фонд Р-1852 «Исполнительный комитет Ставропольского краевого Совета депутатов трудящихся».

Источником изучения организованных миграций, в том числе сельскохозяйственного и красноармейского переселения в СССР в 1930–1950-е гг. являются документы и материалы РГАЭ – фонд 5675 «Учреждения по руководству переселением в СССР. 1925–1942, 1949–1954»; ГАРФ – фонд А-327 «Переселенческое управление при Совете Министров РСФСР, отдел по организации приема и хозяйственному устройству переселенцев»; фонд 3302 «Всероссийское общество содействия трудящихся ассирийцев»; Российский государственный военный архив (РГВА) – фонд 9 «Политическое управление РККА. 1-й отдел – организационно-распределительный (1928–1934 гг.); ГАКК – фонд Р-1539 «Переселенческий отдел исполнительного комитета Краснодарского краевого совета депутатов трудящихся, г. Краснодар, 1937 – 1953 гг.»; фонд Р-1594 «Кубанский окружной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, 1924–1939 гг.», а также директивные

¹ Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: в 3-х кн. / Упр. по делам архивов Краснодарского края. Краснодар, 2000–2003; Краснодарскому краю – 65 лет. Страницы истории в документах архивного фонда Кубани: историко-документальный альбом / сост. А.А. Алексеева, А.М. Беляева, И.Ю. Бондарь. Краснодар, 2002; Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Ставрополь, 1962; Наш край: Документы, материалы (1917–1977 гг.) / сост.: Н.С. Дикалова и др. Ставрополь, 1983; Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1930–1940-е годы: сборник документов / сост. Г. Никитенко, Т. Колпикова. Ставрополь, 2010; Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1941–1964 гг. Сборник документов / сост. В. Белоконь, Т. Колпикова. Ставрополь, 2011; Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / науч. ред. Т.А. Булыгина; сост.: В.В. Белоконь, Т.Н. Колпикова, Я.Г. Кольцова, В.Л. Мазница. Ставрополь, 2005.

письма Краснодарского крайкома ВКП(б) районным комитетам – фонд 1471 и фонд 1629. ЦДНИКК – фонд 8069 «Политотдел Ново-Леушковской МТС»; фонд 1774-А; Государственный архив Ростовской области (ГАРО) – фонд Р-1390 «Азово-Черноморский краевое земельное управление (Край ЗУ) краевого исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся»; фонд Р-2608 «Азово-Черноморский краевой переселенческий комитет при Президиуме краевого исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»; Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) – фонд 8 «Азово-Черноморский крайком ВКП(б)»; фонд 166 «Политсектор МТС Азово-Черноморского края».

Документы и материалы, связанные с Великой Отечественной войной, депортациями народов и послевоенным восстановлением народного хозяйства, организацией послевоенного переселения представлены в: РГАЭ – фонд 8040; ГАРФ – фонд 9479; РГАСПИ – фонд 82; фонд 644 «Государственный комитет обороны (1941–1945 гг.)». В ГАКК: фонд Р-535 «Уполномоченный по снабжению эвакуированных поляков по Краснодарскому краю, Министерство торговли РСФСР (1944–1945 гг.)»; фонд Р-897 «Краснодарская краевая комиссия по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками их пособниками»; фонд – Р-585 «Исполнительный комитет Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся (Краевой приемно-распределительный пункт по приему репатриированных советских граждан, станция Кавказская г. Кропоткин Краснодарского края, 1945–1946 гг.)»; в ЦДНИКК: фонд – Ф. 1774-А; фонд 4384 «Уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Краснодарскому краю»; в ГАСК – фонд Р-1852; ГАНИСК – фонд 1.

3. *Сборники законов и постановлений* правительства СССР и ЦК КПСС являются важной группой исторических источников для изучения рассматриваемого периода. Создание достаточно спорной юридической базы для обоснования и проведения репрессий, регулирования миграции и репродуктивного поведения населения оказало существенное влияние на развитие демографических процессов на Кубани и Ставрополье.

4. *Периодическая печать*. В работе использовались материалы центральных и региональных газет: «Правда», «Известия», «Труд», «Молот», которые отражали официальную точку зрения на процессы, происходящие в стране, что, определяло содержание и направленность представленных материалов.

5. *Материалы личного происхождения*. В числе источников личного происхождения использованных в диссертации воспоминания С.В. Никифорова, И.Л. Полежаева, Г.А. Беликова, В. Барки (В.К. Очерета)¹.

Значительный пласт документов, содержащих личные воспоминания, находится в ЦДНИКК «Отклики и воспоминания на статью И.И. Алексеенко»². Это письма граждан – современников событий 1930-х гг., которые позволяют

¹ Воспоминания Сергея Васильевича Никифорова // Родная Кубань. Краснодар, 2002. № 3. С. 98–102; Дневники Ивана Лазаревича Полежаева (30-е годы, ст-ца Уманская) // Там же. С. 51–61; Барка В. Кубанский холокост // Там же. С. 62–69; Беликов Г.А. Оккупация: Ставрополь. Август 1942 – январь 1943 гг. Ставрополь, 1998.

² ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225.

нам воссоздать многомерную палитру общественного мнения в отношении проводившихся мероприятий.

Обширная источниковая база, сформированная в ходе диссертационного исследования, репрезентативна и позволяет решить поставленные исследовательские задачи.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в совокупности полученных автором выводов и обобщений теоретического и эмпирического характера, позволяющих целостно представить рассматриваемую проблему. Автором впервые:

- доказана эффективность комплексного подхода при изучении исторических процессов, предполагающего определенный компромисс между линейно-стадиальным и цивилизационным подходами. Обосновано методологическое значение и реализован в исследовании истории социально-демографических явлений и процессов комплекс теорий модернизации. В частности, использованы ресурсы теорий демографического, урбанизационного и миграционного переходов для анализа историко-демографических процессов в регионах Кубани и Ставрополья на протяжении 1930–1950-х гг.;

- впервые на основе значительного массива разнообразных источников, в том числе впервые введенных в научный оборот, уточнена численность населения Кубани и Ставрополья на протяжении 1930–1950-х гг., определены особенности в динамике численности населения региона;

- предложена авторская периодизация демографического развития Кубани и Ставрополья в рассматриваемый период, основанная на взаимосвязи социально-политических и экономических событий в истории страны и соответствующих им демографических изменений в регионе;

- определена специфика поселенческой структуры Кубани и Ставрополья, которая на протяжении всего рассматриваемого периода сохраняла аграрную специфику, темпы и характер урбанизации в регионе;

- установлены общие черты и специфические особенности в изменениях показателей рождаемости, смертности, брачности, разводимости на Кубани и Ставрополье, определен характер влияния экстремальных факторов на процессы воспроизводства в регионе;

- выявлены особенности половозрастной, этнической, отраслевой, профессиональной и образовательной структур населения на Кубани и Ставрополье, определены ключевые факторы, обусловившие динамику структур населения в рассматриваемый период;

- выявлено и проанализировано влияние миграций на демографические процессы и структуры населения Кубани и Ставрополья;

- определены сходство и различия в демографическом развитии Кубани и Ставрополья на протяжении рассматриваемого периода, определены факторы, которые обусловили эти особенности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Процессы модернизации в российском обществе в 1930–1950-е гг. необходимо рассматривать на основе комплексного подхода, который подразумева-

ет определенный компромисс между стадияльно-линейными и цивилизационными теориями. Основываясь на данном подходе можно утверждать, что модернизация в России, с одной стороны, является универсальной стадией общего исторического процесса, в рамках которой происходит движение к новым современным формам общественных отношений во всех сферах общественной жизни. С другой стороны, цивилизационные особенности российского общества накладывают свой отпечаток на процесс его обновления и трансформации.

Особенности российской модернизации на этапе 1930–1950-х гг. заключались в следующем: 1) инициатива модернизационных преобразований и их реализация исходит исключительно от государства; 2) модернизация осуществляется в короткие сроки, т.е. носит форсированный характер; 3) она осуществляется на принципиально новом социально-экономическом базисе; 4) широко используются репрессивные методы; 5) модернизация рассматривается не в качестве органической, а в качестве вынужденной, защитной меры и носит принудительный характер.

2. Динамика численности населения Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг. была положительной, однако темпы прироста были невысокими. Темпы прироста населения в регионе выше, чем в РСФСР, но ниже средних по СССР. Демографический переход предполагал на первом этапе существенный рост населения, но объективно этот прирост был полностью нивелирован действием экстремальных факторов: голодом, политическими и этническими репрессиями и депортациями, военными событиями. Прирост населения обеспечивался в регионе в значительной степени за счет положительного сальдо миграции.

3. Демографическую историю Кубани и Ставрополья 1930–1950-х гг. можно условно подразделить на четыре этапа: 1) 1930–1941 гг.; 2) 1941–1945 гг.; 3) 1945–1955 гг.; 4) 1955–1959 гг. На каждом этапе действовал свой комплекс факторов, определявших своеобразие демографических процессов. Однако демографические изменения иногда выходят за рамки выделенных этапов в силу своей инерционности, наблюдается эффект «демографического эха».

4. За период 1930–1950-х гг. на Кубани и Ставрополье абсолютная и относительная численность городского населения выросла вдвое, но темпы урбанизации отставали от общесоюзных. Урбанизация в регионе носила экстенсивный характер: население городов росло за счет миграции из села и преобразования сельских населенных пунктов в городские. К концу исследуемого хронологического периода Кубань и Ставрополье оставались аграрными регионами, урбанизационный переход здесь не был завершен.

5. Показатели рождаемости на Кубани и Ставрополье на протяжении 1930–1950-х гг. снижались. Закономерное снижение рождаемости в условиях демографического перехода ускорялось действием экстремальных факторов. Смертность на протяжении рассматриваемого периода характеризовалась неустойчивостью. Действие экстремальных факторов затормозили модернизацию смертности с количественной стороны, но ее качественный характер неизбежно менялся вследствие развития медицины, совершенствования социально-экономической сферы, изменения уклада жизни. Результаты этих изменений сказались, прежде всего, на показателях младенческой смертности и на струк-

туре смертности. Последствия высокой смертности и снижающейся рождаемости были чрезвычайными, негативно влияли на динамику общей численности населения, деформировали его структуру.

6. Половая структура Кубани и Ставрополья в рассматриваемый период характеризовалась значительными деформациями, которые на Кубани были выражены в большей степени, чем в целом по стране. В отличие от ситуации в стране – в регионе половые диспропорции смещены были в более молодой возраст. Наблюдается постепенное старение населения, однако половозрастные пирамиды Кубани и Ставрополья к концу 1950-х гг. еще сохраняли прогрессивную форму. Важным фактором, оказавшим влияние на половозрастную структуру региона в рассматриваемый период, выступали миграционные процессы: Кубань и Ставрополье на протяжении всего рассматриваемого периода остаются регионами привлекательными с миграционной точки зрения, что отчасти способствовало сглаживанию диспропорций половозрастной структуры.

7. Характер изменений отраслевой и профессиональной структуры населения Кубани и Ставрополья в период 1930–1950-х гг. был напрямую связан с социально-экономическими преобразованиями в стране, произошли кардинальные изменения в области грамотности населения, прежде всего – женского. Неуклонно росла доля занятых в отраслях нематериального производства. Рост занятых в промышленности происходил сравнительно небольшими темпами, сохранялась значительная доля занятых в сельском хозяйстве, что было связано с хозяйственной спецификой региона.

8. В рассматриваемый период Кубань и Ставрополье сохраняют статус полиэтничных территорий при доминирующей доле восточнославянского населения. Наиболее высокие показатели этнической мозаичности были характерны для районов Черноморского побережья и Кавказских Минеральных Вод. В рассматриваемый период произошли кардинальные изменения в этнической структуре населения обеих территорий: резко сократилась численность украинцев, русское население стало доминирующим. В результате репрессий и депортаций ряд народов, традиционно проживавших на территории Кубани и Ставрополья, фактически прекратили здесь свое существование.

9. Значительную роль в развитии населения Кубани и Ставрополья на протяжении 1930–1950-х гг. играли миграции. В управлении миграциями государство использовало административный подход. Одной из целей миграционной политики было перераспределение демографических ресурсов с учетом нужд индустриализации, где сельскохозяйственным регионам, к которым относились Кубань и Ставрополье, отводилась роль донора. Вместе с тем, привлекательность региона для стихийных мигрантов обеспечивала здесь положительное сальдо миграции.

10. Демографические процессы на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг. в основном не имели существенных различий, что было обусловлено схожими условиями и хозяйственной структурой регионов, но имели свою специфику на разных исторических этапах. На Кубани наиболее заметные демографические изменения произошли в 1930-е гг., когда ее население пострадало в результате депортаций и голода 1932–1933 гг., а потери населения компенсировались

масштабным красноармейским переселением. На Ставрополье существенные демографические изменения происходят в 1940-е гг. в результате депортации карачаевцев, ликвидацией Карачаевской АО и компенсаторных миграций на территории, опустевшие в результате выселения северокавказских народов. Ставрополье в этом миграционном потоке выступало в качестве территории-донора.

Соответствие диссертационного исследования Паспорту научных специальностей ВАК. Работа выполнена по специальности 07.00.02 – Отечественная история. Области исследования: п. 4 – История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; п. 11 – Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны; п. 15 – Исторический опыт российских реформ; п. 19 – История развития российского города и деревни; п. 23 – История Великой Отечественной войны.

Научно-теоретическая значимость диссертации. Материалы проведенного диссертационного исследования обеспечивают приращение исторического знания в аспекте соответствия конкретных фактов, в их процессуальной динамике, положениям общей теории модернизации при исследовании истории состояний и изменений состава и структуры населения в отдельных регионах на протяжении определенных временных периодов.

Предложенный автором подход для анализа исторических процессов основанный на синтезе линейно-стадиальной и цивилизационной концепций, положений теории зависимости и мир-системной теории, создает новые эвристические возможности при изучении процессов отечественной истории.

Ряд положений и выводов развивают и дополняют отдельные аспекты теории модернизации: демографического перехода, процессов урбанизации и миграционных процессов применительно к конкретным условиям советского общества периода 1930–1950-х гг.

Использование новых теоретических положений наряду с расширением исследовательских возможностей в связи с изменениями в российском обществе: рассекречиванием архивных документов, плюрализмом идеологических подходов дает мощный толчок для дальнейших исследований демографических процессов в стране и в ее регионах.

Научно-практическая значимость работы заключается в том, что материалы и выводы данного исследования могут быть использованы органами государственной власти Российской Федерации, Краснодарского и Ставропольского краев в практике разработки демографических концепций и программ, способствовать эффективной социально-экономической и демографической политике, оптимизации межэтнического климата в регионе. Результаты могут применяться в качестве учебных и методических материалов в процессе подготовки специалистов по направлениям: «История», «Демография», «Социология», «Экономика», «Менеджмент», а также использоваться общественными организациями с целью распространения и популяризации достоверных знаний о демографической истории Кубани и Ставрополья, о народах, населяющих регион, способствовать формированию культуры межэтнического взаимодействия.

Апробация работы. Ряд положений и выводов, полученных в ходе работы над диссертацией, прошли соответствующую апробацию: были представлены на всероссийских и международных научно-практических и научных конгрессах, конференциях и семинарах. Материалы диссертации представлены в 97 публикациях, в том числе 5 монографиях (из них 4 в соавторстве), 21 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Отдельные результаты и выводы, изложенные в диссертации, получены в ходе работы автора над научными проектами, реализованными при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований, других российских и зарубежных научных фондов.

В целях распространения научных знаний по исторической демографии, под руководством автора подготовлен открытый многофункциональный интеллектуальный электронный ресурс «Демография Северо-Западного Кавказа» – <http://wiki.kubsu.ru/index.php> на электронной площадке ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

На основе материалов диссертационного исследования автором разработаны и читаются специальные учебные курсы в ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» и по программам переподготовке государственных служащих в Краснодарском крае.

Отдельные положения диссертации были использованы автором при разработке «Основных положений государственной национальной политики в Краснодарском крае», рекомендациях органам государственной власти Краснодарского края и муниципального образования г. Краснодар.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Структура диссертации. Основой структурного построения работы является проблемно-хронологический принцип. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих в себя тринадцать параграфов, заключения, списка источников и литературы, приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, характеризуется степень ее научной разработанности, определены объект, предмет, цель и задачи исследования, обоснованы его территориальные и хронологические рамки, дана характеристика теоретико-методологической и источниковой базы исследования, аргументирована научная новизна диссертации, изложены положения, выносимые на защиту, отражена теоретическая и практическая значимость работы, показана степень апробации результатов исследования, обоснована структура диссертации.

Глава 1 «Теоретико-методологические положения исследования и общие характеристики развития населения Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.» представлена 3 параграфами.

В первом параграфе первой главы «Теоретические и методологические подходы к изучению историко-демографических процессов» опреде-

лена необходимость использования комплексного подхода, подразумевающего определенный компромисс между стадильно-линейными и цивилизационными теориями. Обосновано методологическое значение и практическое применение в исследовании истории социально-демографических явлений и процессов комплекса теорий модернизации. В частности, использованы ресурсы теорий демографического, урбанизационного и миграционного переходов для анализа историко-демографических процессов в регионах Кубани и Ставрополья на протяжении 1930–1950-х гг. Основываясь на комплексном подходе можно утверждать, что модернизация в России с одной стороны является универсальной стадией общего исторического процесса, в рамках которой происходит движение к современным формам общественных отношений во всех сферах общественной жизни. С другой стороны, цивилизационные особенности российского общества накладывают свой отпечаток на процесс его обновления и трансформации.

В работе выделяются особенности российской модернизации на этапе 1930–1950-х гг., которые заключались в том, что: инициатива модернизационных преобразований и их реализация исходила исключительно от государства; модернизация осуществлялась в короткие сроки, носила форсированный характер; осуществлялась на принципиально новом социально-экономическом базисе; широко использовались репрессивные методы; модернизация рассматривалась не в качестве органической, а в качестве вынужденной, защитной меры и носила принудительный характер.

Во втором параграфе первой главы «Динамика численности населения Кубани и Ставрополья» рассматривается общая характеристика демографических изменений на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг. Используются материалы Всесоюзных переписей 1926, 1937, 1939 и 1959 гг. и документов текущего статистического учета, в целях верификации произведен их перерасчет с учетом происходивших административно-территориальных изменений и приписок 1930-х гг.

В параграфе показано, что в динамике общей численности населения Кубани и Ставрополья в рассматриваемый период проявились следующие особенности: за более чем тридцатилетний период динамика численности населения в Краснодарском и Ставропольском краях была положительной, однако темпы прироста были невысокими. Прирост населения в здесь был выше, чем в РФ, но ниже средних по СССР. В регионе наблюдались различия в темпах прироста населения, как во времени, так и по отдельным административно-территориальным образованиям. Активно росло население национальных автономий, которые постепенно увеличивали и удельный вес в общей численности жителей региона. Население Ставрополья за период 1930-х – 1950-х гг. имело более высокие темпы роста, чем Краснодарский край. При этом начальная стадия демографического перехода на Кубани не сопровождалась демографическим взрывом вследствие значительных потерь населения в результате голода, войны, репрессий и депортаций ряда народов за пределы региона.

В росте населения региона четко выражены два периода подъема: довоенный: начало 1930-х – начало 1940-х гг. и послевоенный: конец 1940-х – 1950-е

гг., разделенные годами затухания процесса. Численность населения Краснодарского края изменялась неравномерно в отличие от Ставрополья. Для Кубани были характерны более резкие сокращения и такие же быстрые и резкие периоды роста численности населения. Динамика численности населения Ставропольского края также сопровождалась спадами и подъемами, но их масштабы были значительно меньше.

В третьем параграфе первой главы «Размещение населения и процессы урбанизации на Кубани и Ставрополье в контексте модернизационных изменений 1930–1950-х гг.» раскрывается специфика размещения и трансформация поселенческой структуры населения Кубани и Ставрополья. Выявлено, что определяющим фактором происходящих изменений был процесс урбанизации, осуществлявшийся в контексте модернизационных преобразований.

Определено, что ход процессов урбанизации в 1930–1950-х гг. в рассматриваемых регионах, как и в целом по стране отражал как некоторые общие и типичные для этого глобального процесса черты, так и своеобразную российскую и региональную специфику, которая определялась целым комплексом факторов культурно-исторического, природно-экономического и социально-политического характера. В целом этот процесс отличался масштабностью. Здесь в полной мере проявилась сложность и противоречивость отечественной модели урбанизации, которая отличалась радикальными изменениями, с одной стороны (рост численности и степень концентрации городского населения) и консервативными позициями, с другой (сохранение сельского уклада в условиях городской среды и т.п.).

Разрыв между этими двумя показателями урбанизации так и не был преодолен. Количественные характеристики урбанизации существенно отставали от качественных преобразований в этой среде. Численный рост городского населения, смена занятий и т.д. (т.е. количественная сторона урбанизации), не согласуются с темпами усвоения городского образа жизни, адаптацией сельских жителей в условиях города.

За рассматриваемый период абсолютная и относительная численность городского населения на Кубани и Ставрополье значительно выросла. При этом урбанизация в регионе как в целом по стране носила экстенсивный характер, т.е. рост этот был достигнут, прежде всего, за счет развития промышленного производства и привлечения сельского населения в города, преимущественно в административном порядке, а также стихийной миграции из села во время голода. Кроме того, рост числа городов и населения в них обеспечивался за счет административных манипуляций, путем преобразования сельских населенных пунктов в городские.

Урбанизационный переход к концу 1950-х гг. на Кубани и Ставрополье не был завершен, регион оставался преимущественно сельскохозяйственным. Специфичной для региона была концентрация населения в крупных сельских поселениях (с числом жителей более 10 тыс. чел.), по размерам превосходивших в десятки раз городские поселения в центральных регионах страны, но сохранявших сельскую инфраструктуру и структуру занятости. По темпам роста горожан оба региона отставали от аналогичных показателей по стране. Ставро-

полье отставало в темпах урбанизации от Краснодарского края и отличалось меньшей долей горожан.

Глава 2 «Демографические процессы на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг.» включает в себя 3 параграфа.

В первом параграфе второй главы «Трансформация рождаемости: факторы, динамика и последствия» доказывается, что процессы рождаемости и репродуктивное поведение населения Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг. было детерминировано такими социально-политическими и экономическими факторами в жизни советского общества, как раскулачивание, голод, репрессии, Великая Отечественная война и т.д., которые деформировали половозрастную структуру населения.

Значимым фактором, оказавшим влияние на процессы рождаемости, выступали меры демографической политики, которые чаще были направлены на устранение последствий тех или иных проблем. В 1930–1940-е гг. политика государства была направлена на усиление административного контроля над репродуктивным поведением и факторами, способными косвенно повлиять на рождаемость, обеспечить ее рост: жестко регламентируется практика аборт, усложняется процедура развода, устанавливается налог на бездетность и проч. Последствия этих мер были кратковременными и весьма неоднозначными. С окончанием войны государство наряду с административным контролем пытается активно использовать меры психологического, внеэкономического характера, направленные на формирование ценностей материнства и детства. Вводятся награды и звания для матерей, как своего рода моральные поощрения, которые одновременно подкрепляются материальными стимулами.

На региональном уровне важным фактором рождаемости выступали также миграционные процессы. Активные миграции на Кубань и Ставрополье, как стихийные, так и организованные в одних случаях (компенсаторные миграции по заселению опустевших территорий, миграции село-город и проч.) создавали условия для роста рождаемости в других случаях (депортации и высылки и т.п.) – наоборот.

Для обеих территорий характерным на протяжении рассматриваемого периода стал процесс постепенного снижения как абсолютных, так и относительных показателей рождаемости. Типичным для Кубани и Ставрополья было снижение рождаемости прежде всего в селе и некоторый ее рост в конце 1950-х гг. преимущественно в городах. Для Кубани, в отличие от Ставрополья были характерны более резкие колебания в показателях рождаемости.

Во втором параграфе второй главы «Динамика показателей смертности и потери населения» анализируются показатели смертности для понимания и оценки демографических процессов. Рассматриваемый исторический период 1930–1950-х гг., пожалуй, один из самых ярких и драматичных в отечественной истории. За сравнительно короткий исторический период произошло большое количество экстремальных событий, повлекших за собой повышенную смертность населения. Эти события нарушили ход демографической модернизации. В 1930–1950-е гг., на которые пришелся начальный этап демографического перехода, сопровождаемый в нормальных условиях высоким естествен-

ным приростом населения за счет сокращения смертности и сохранения высоких показателей рождаемости, увеличения численности населения ни в регионе, ни в стране не произошло. Последствия пертурбационных факторов усугубились политикой тоталитарной власти, инструментами которой выступали голод, репрессии, принудительные выселения и другие радикальные методы политического управления.

Смертность как один из основных демографических процессов на протяжении рассматриваемого периода характеризовалась неустойчивостью. Намечившаяся в связи с модернизацией тенденция к снижению смертности не смогла закрепиться в силу сложных и противоречивых причин общественно-политического и экономического характера. Однако если с количественной стороны модернизация показателей смертности замедлилась, то ее качественный характер неизбежно менялся вследствие развития медицины, совершенствования социально-экономической сферы, изменения уклада жизни. Результаты этих изменений сказались, прежде всего, на показателях младенческой смертности, а также на структуре смертности, где действие экзогенных факторов постепенно ослабевало.

Тем не менее, последствия высокой смертности на протяжении рассматриваемого периода на Кубани и Ставрополье были чрезвычайными и значительно повлияли на динамику общей численности населения, деформировали его структуру, нарушили естественный ход демографических процессов.

В третьем параграфе второй главы «Основные тенденции развития брачно-семейных отношений» установлено, что сельская семья в рассматриваемый период не только в регионе, но и в стране в целом находилась в более сложных условиях, в том числе и с точки зрения демографических характеристик (соотношение полов, уровень смертности, возрастная структура и проч.). Это непосредственным образом сказалось на дальнейшем развитии института семьи. Как следствие здесь было больше неполных семей, как правило, включавших вдову с детьми либо семей включавших пожилых супругов, чьи дети жили отдельно.

В рассматриваемый период в регионе, как в целом по стране, наблюдалась трансформация процессов брачности и разводимости. Важную роль в этих изменениях играли исторические события, которые серьезно деформировали демографические структуры, прежде всего половозрастную и поселенческую.

Другим значимым фактором стали меры демографической политики советского государства, которые преимущественно носили спонтанный характер и предполагались в качестве своеобразной реакции на стихийные изменения в численности и структуре населения. Законодательство в сфере семьи и брака, начиная с середины 1930-х гг. было направлено на укрепление этих институтов, создание условий для высокой рождаемости, и в целом шло по пути усиления государственного вмешательства и контроля над брачно-семейной сферой. Значительно расширилась сфера государственной помощи одиноким и работающим женщинам с детьми, формировались новые нормы и ценности в сфере матримониального и репродуктивного поведения.

Однако, несмотря на все усилия государства, в рассматриваемый период

неуклонно сокращается доля лиц, состоящих в браке, наблюдается повышение брачного возраста, увеличивается число разводов. Одновременно сокращается средний размер семьи, увеличивается доля неполных семей, усиливается тенденция нуклеаризации.

Все эти трансформации были predeterminedены, прежде всего, общими процессами модернизации, движением страны по пути индустриализации, и в этом отношении были объективными и неизбежными. Единый модернизационный тренд корректировался специфическими условиями советского общества. Одни события и обстоятельства значительно ускоряли переход, другие, напротив, тормозили его. Так активное вовлечение женщин в сферу общественного труда, демократизация в сфере половых отношений, репрессии, голод и военные потери работали на снижение показателей брачности и рост разводимости, тогда как политические решения, законодательное регулирование, сохранение традиционных норм сельского общества, напротив замедляли его.

Третья глава «Состояние и динамика демографических структур Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.» включает в себя 4 параграфа.

В первом параграфе третьей главы «Половозрастная структура населения» установлено, что проявившиеся к началу 1930-х гг. вследствие исторических событий первых десятилетий XX в. на Кубани и Ставрополье деформации половозрастной структуры не только не сгладились, но, напротив, под влиянием экстремальных факторов: коллективизации, довоенного и послевоенного голода, Великой Отечественной войны, репрессий и депортаций значительно усилились. Увеличилась половая диспропорция, возрастная структуры активно трансформировалась сторону постарения. С 1939 по 1959 гг. доля детей в населении Кубани и Ставрополья сократилась на 10%, доля лиц зрелых и пожилых возрастов, напротив, выросла.

Половой дисбаланс на Кубани и Ставрополье смещается в более ранние возрастные группы. В отличие от Ставрополья половозрастная структура населения Кубани характеризовалась более сильными половыми диспропорциями, которые проявлялись в зрелых и старших возрастных группах. Мужское население Кубани в возрастах старше 30 лет сильнее пострадало вследствие голода начала 1930-х гг., репрессий и депортаций в ходе раскулачивания и коллективизации. На Ставрополье меньший дисбаланс полов обеспечивался за счет мужского населения национальных автономий. В обоих регионах у разных народов наблюдались значимые различия в соотношении полов. На соотношение полов оказывал заметное влияние и миграционный фактор, половой дисбаланс чаще всего проявлялся в отношении тех национальных групп, которые являются пришлыми на той или иной территории.

Определяется существенное влияние на половозрастную структуру Кубани и Ставрополья 1930–1950-х гг. миграционных процессов. С одной стороны, вследствие экстремальных факторов шел массовый отток населения из сельской местности в город. Потоки эти носили как организованный, так и стихийный характер. В миграционном потоке преобладали мужчины трудоспособного возраста, соответственно в структуре городского населения процент молодых и средних возрастов был выше, чем в селе. Миграционная привлекательность

Кубани и Ставрополя на протяжении всего рассматриваемого периода обеспечивала стабильный приток населения из других регионов в сельскую местность, что отчасти способствовало сглаживанию диспропорций в половозрастной структуре.

Во втором параграфе третьей главы «Социальный состав и занятия населения» определено, что характер изменений отраслевой и профессиональной структуры населения Кубани и Ставрополя в межпереписной период был напрямую связан с социально-экономическими преобразованиями в стране, неуклонно росла доля занятых в отраслях нематериального производства, как следствие постепенно увеличивалась доля лиц занятых умственным трудом. Сокращение численности и удельного веса занятых в производственных отраслях происходило благодаря автоматизации и механизации, и преимущественно за счет уменьшения занятых в сельском хозяйстве. В непромышленных отраслях увеличение происходило за счет работников социальной сферы связанных с охраной здоровья, сектором бытового обслуживания, образовательной сферой, торговлей и т.д. В то же время рост занятых в промышленности происходил сравнительно небольшими темпами, сохранялась значительная доля занятых в сельскохозяйственном производстве, но и она постепенно сокращалась. При этом сравнительный анализ показал, что при достаточно близкой социально-экономической структуре населения в регионах, Кубань обладала более высоким промышленным потенциалом и развивалась в целом более динамично, что так же нашло отражение в профессиональной структуре. В целом можно отметить в качестве одной из основных тенденций рост квалифицированных кадров и уровня образования занятого населения.

Несмотря на активную политику по вовлечению женщин в общественное производство они по этим показателям существенно отставали от мужчин. Особенно заметным это отставание было в сельской местности. В национальных автономиях процент мужчин среди занятого населения значительно опережала процент работающих в общественном производстве женщин. Вследствие вовлеченности населения младших и старших возрастных групп в трудовую деятельность доля занятых в общественном производстве несколько превышала долю трудоспособных. Вместе с тем на Кубани и Ставрополье сохраняется больший, чем в целом по стране удельный вес населения, занятого в личном подсобном хозяйстве, обусловленный сельскохозяйственной направленностью региона.

В третьем параграфе третьей главы «Грамотность и образовательный уровень населения» выявлено, что модернизация страны была тесно связана с процессами образования, так как индустриальное общество нуждалось в квалифицированных специалистах, научно-технических кадрах. Советская власть, осуществляя индустриализацию, активно проводила политику, направленную на ликвидацию неграмотности и повышение уровня образования населения. К концу 1930-х гг. эта политика принесла немалые успехи. За период 1930–1950-х гг. произошло кардинальные изменения в области грамотности и образования населения. В регионе к концу 1950-х гг. практически были достигнуты показатели сплошной грамотности. Наибольшие успехи наблюдались в сфере преодо-

ления неграмотности среди женского населения. Политика государства, обеспечивавшая им широкую возможность ликвидации неграмотности, привела к тому, что в городе женщины фактически догнали мужчин по уровню грамотности, а в селе, отставание хотя и сохранялось, но было уже не столь значительным. Существенные изменения произошли в грамотности сельских жителей. Уровень грамотности населения в селе практически достиг аналогичных показателей в городе. Ставрополье, несколько отстававшее от Кубани по общим показателям грамотности и образования в 1939 г., к 1959 г. практически имело равные показатели с Кубанью, и в целом с РСФСР.

В целом к концу 1950-х гг. задача сплошной грамотности практически была решена. Нерешенным пока оставался вопрос повышения уровня образования, но и в этой области произошли значительные изменения. Особенно заметный рост наблюдался в численности средних школ, значительное увеличение которых происходило за счет организации новых, а также преобразования более крупных начальных школ в семилетние. Повсеместно увеличилось число специалистов с высшим образованием. Постепенно решалась проблема недостатка учителей в школах и уровня подготовки педагогических кадров. Однако в регионах и прежде всего в сельской местности и национальных автономиях этот рост был достигнут за счет притока в них, в том числе по государственным программам, выпускников вузов.

В четвертом параграфе третьей главы «Национальная структура населения» доказано, что в этнической структуре населения Кубани и Ставрополья в рассматриваемый период произошли кардинальные изменения, в числе которых наиболее значимым стало существенное сокращение численности украинского населения и увеличение абсолютной и относительной численности русских. Русское население стало доминирующим в обоих регионах. Решающую роль в этих изменениях сыграл процесс ассимиляции, а также голод начала 1930-х гг., депортации в ходе раскулачивания и компенсаторные миграции.

В результате этнических репрессий и депортаций ряд этнических групп, проживавших на Кубани и Ставрополье, фактически прекратили свое существование. С увеличением абсолютной численности русских и их доли в составе населения снижается доля прочих этнических групп в Краснодарском и Ставропольском краях и национальных автономиях, усиливается влияние русского языка и культуры, активизируются процессы ассимиляции.

Наиболее активно в рассматриваемый период у народов Кубани и Ставрополья шли процессы языковой ассимиляции. Увеличивалась доля лиц, отмечавших в качестве родного языка русский, в том числе и среди титульных народов. Сильнее процессы языковой ассимиляции шли в городах, а также в среде мужского населения. Однако постепенно они усиливаются и в сельской местности (в том числе и в национальных автономиях) которая становится с одной стороны, более полиэтничной благодаря миграциям, с другой, в результате развития системы образования и культуры.

Наряду с общими процессами сохранялись определенные различия в этнической структуре Краснодарского и Ставропольского краев. Население Ставрополья отличалось большей полиэтничностью, здесь выше была доля представи-

телей коренных этносов Северного Кавказа. Для Кубани был характерен, с одной стороны, значительный украинский компонент, с другой, большая чем на Ставрополье доля русского населения. Также здесь существовали значительные по численности этнические группы, компактно проживавшие в пределах практически моноэтнических населенных пунктов.

В целом трансформации национальной структуры происходили в русле унификации и нивелирования этнических компонентов, усиления демографического, языкового и культурного русского влияния, что могло обеспечить более быструю модернизацию.

Глава 4 «Миграционные процессы на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг.» включает в себя 3 параграфа

В первом параграфе четвертой главы «Переселенческая политика Советского государства в 1930-е гг. и ее реализация на Кубани и Ставрополье» аргументируется, что миграции 1930-х гг. были преимущественно связаны с решением проблем модернизации страны, что в свою очередь оказало значительное влияние на демографическое развитие региона. В процесс добровольно-вынужденных и принудительных миграций оказались вовлеченными значительные массы населения, преимущественно трудоспособных возрастов. На протяжении всего периода государство осуществляло управление миграциями на основе административного подхода, широко используя при этом как стимулирующие, так и принудительные меры в виде депортаций и организованных переселений. Значительным был поток стихийных миграционных перемещений. 1930-е гг. один из немногих в истории региона период, когда выталкивающие факторы, преобладали над притягивающими, миграционная привлекательность Кубани и Ставрополья значительно снизилась в период голода и репрессий.

Миграционные процессы на Кубани и Ставрополье имели отличие не только в отношении масштабов, направлений и форм миграций, но и в плане реализуемых государством на их территории миграционных программ. На Кубани более массовым и имевшим серьезные негативные по отношению к демографической ситуации последствия был миграционный поток, связанный с раскулачиванием и депортацией кулаков. На Ставрополье выселения были менее масштабными, при этом территория края так же выступала в качестве места ссылки кулаков, депортированных из соседних регионов (Дона, Кубани и др.). Опустевшие в результате депортаций и голода территории заселяются сначала в организованном, а затем в стихийном порядке демобилизованными красноармейцами и выходцами из других регионов страны.

Существенную роль в миграционных перемещениях в период 1930-х гг. сыграли такие факторы как голод, государственная политика по образованию национальных районов и коренизации и др.

Все эти факторы сказались на национальной структуре региона, привели к существенному сокращению одних этнических групп и увеличению других, в первую очередь русских.

Во втором параграфе четвертой главы «Миграции периода Великой Отечественной войны и их демографические последствия для региона»

анализируется специфика и организация миграционных перемещений на Кубани и Ставрополье в 1941–1945 гг.

В период Великой Отечественной войны административный подход к управлению миграциями достигает своего пика. Логика войны определяла доминирующую роль государства в управлении всеми процессами жизнедеятельности общества, в том числе и миграциями. Формы и направления миграционных потоков в стране носили преимущественно вынужденный и принудительный характер. К числу добровольно-вынужденных миграций в этот период можно отнести мобилизацию и демобилизацию, процессы эвакуации, а затем реэвакуации. К принудительным – массовые депортации народов, незаслуженно обвиненных в государственной измене.

Массовая мобилизация мужского населения, эвакуации, принудительный вывоз части населения оккупированных территорий в Германию, депортации народов, были факторами, негативно повлиявшими на демографическую ситуацию в регионе. В мобилизационном потоке, направлявшемся на Запад, основную массу составляли мужчины репродуктивных возрастов. В потоке эвакуированных в регион, в свою очередь, преобладали женщины и дети. Результатом этих перемещений стала значительная половая и возрастная диспропорция. В то же время, эвакуация и реэвакуация, демобилизация и репатриация частично способствовали восстановлению численности населения. В послевоенные годы Кубань и Ставрополье снова привлекают мигрантов, сюда направляются переселенцы из разрушенных войной районов страны.

Этнические депортации привели к трансформации национальной структуры Кубани и в большей степени Ставрополья, а также негативно сказались на хозяйственном развитии части территорий традиционного проживания репрессированных народов, которые вплоть до реабилитации и возвращения оставались заброшенными. Демографические последствия, связанные с войной и депортациями, ещё долго отражались на демографическом развитии населения Кубани и Ставрополья.

В третьем параграфе четвертой главы «Миграционное движение населения Кубани и Ставрополья во второй половине 1940-х – 1950-е гг.» определено, что во второй половине 1940-х – 1950-е гг. произошли значимые изменения в демографической структуре и территориальном распределении населения Кубани и Ставрополья. Динамика и масштабы миграционного движения населения в этот период были значительными. Возвращение эвакуированных, демобилизация, репатриация перемещенных советских лиц, оргнаборы трудоспособного населения для восстановления народного хозяйства страны во многом определялись последствиями Великой Отечественной войны и переходом к мирному образу жизни.

Как и в предыдущие годы приоритетным остается административный подход к управлению миграциями. Кубань и Ставрополье в соответствии с политическими решениями должны были отправлять трудовые ресурсы для восстановления народнохозяйственного комплекса страны. Основным поставщиком трудовых мигрантов становится село, а основу миграционных потоков составляли молодые мужчины трудоспособного возраста.

Если в межрегиональные миграции по разрядке население обоих регионов было вовлечено примерно одинаково, то в процессы внутрирегиональной миграции Ставропольский край был вовлечен гораздо сильнее. После депортации части северокавказских народов осуществлялась программа по компенсаторному заселению этих территорий. Одним из основных доноров выступает Ставропольский край, в первую очередь, для территорий бывшей Чечено-Ингушской АССР и Карачаевской АО, что определялось прежде всего его географическим положением, и требовало значительно меньше затрат, связанных с переселением.

Реабилитация и возвращение народов в 1956–1957 гг. привели к новой волне миграционных перемещений. Население, перемещенное в рамках компенсаторных миграций, возвращалось обратно. Помимо ставропольцев, возвратившихся в места своего прежнего проживания, в край переселяется часть жителей тех районов Ставрополя, которые были в административном порядке переданы Чечено-Ингушской АССР. Масштабы этих миграционных потоков в Краснодарский край были намного меньше. Возвращение реабилитированных народов изменило национальную структуру региона: здесь сокращается доля русского населения. Высокой этнической мозаичностью отличались рекреационные зоны: Черноморское побережье в Краснодарском крае и Кавказские Минеральные Воды в Ставропольском крае.

Важным направлением в течение всего рассматриваемого периода остается миграция по линии село–город, которая по мере либерализации общества приобретала все более широкие масштабы. Наряду с организованным переселением в город существовал не менее мощный стихийный миграционный поток, что, в свою очередь, негативно отразилось на демографическом развитии сельской местности.

Вместе с тем процесс демократизации общества, «хрущевская оттепель», подтолкнули к изменению ситуации, административный подход начинает терять свои позиции, разрабатываются новые механизмы, в том числе и с привлечением российского и мирового опыта. В конце 1950-х гг. начинает оформляться позитивистский подход к управлению миграцией, основанный на экономическом выборе индивида, исходя из его личных предпочтений.

В заключении подводятся итоги исследования.

Всестороннее исследование демографических процессов и структур на Кубани и Ставрополье на протяжении периода 1930–1950-х гг. на основе комплексного подхода позволило выявить доминирующие тенденции, факторы их обусловившие, специфические особенности, характерные для региона в целом, а также присущие каждой из рассматриваемых административно-территориальных единиц.

Демографический переход, как важный аспект общего процесса модернизации в российском обществе в период 1930–1950-х гг. имел ряд особенностей: государство регулировало, а в некоторых случаях осуществляло прямой контроль над репродуктивным, самосохранительным и матримониальным поведением граждан; изменение основных демографических показателей происходило форсированным порядком; контроль над демографическими процессами осу-

ществлялся с применением репрессивных мер, возможность индивидуального выбора в сфере демографического поведения была существенно ограничена; при этом закономерные изменения в демографической сфере связанные с демографическим переходом нарушались действием экстремальных факторов.

Первая стадия демографического перехода на Кубани и Ставрополье не сопровождалась демографическим взрывом из-за значительных потерь населения. И хотя на протяжении 1930–1950-х гг. динамика численности населения здесь была положительной, темпы прироста населения были невысокими. В росте населения региона обозначились два периода подъема: довоенный – начало 1930-х – начало 1940-х гг. и послевоенный – конец 1940-х – 1950-е гг., разделенные годами затухания процесса. Для Кубани, в отличие от Ставрополья, было характерно более резкое сокращение и быстрые периоды роста численности населения.

В рассматриваемый период на Кубани и Ставрополье абсолютная и относительная численность городского населения заметно выросла, но урбанизация здесь носила преимущественно экстенсивный характер. Темпы роста городского населения на Кубани и Ставрополье были ниже, чем по стране, при этом Ставрополье отставало в темпах урбанизации от Кубани. Урбанизационный переход к концу 1950-х гг. не был завершен, регион оставался преимущественно сельскохозяйственным.

В 1930–1940-е гг. политика государства была направлена на усиление административного контроля над репродуктивным поведением, её последствия были кратковременным и противоречивыми. Показатели рождаемости на Кубани и Ставрополье на протяжении всего рассматриваемого периода снижались. Закономерное снижение показателей рождаемости в условиях демографического перехода ускорялось воздействием экстремальных факторов.

Смертность в регионе в рассматриваемый период характеризовалась неустойчивостью. Наметившаяся в связи с модернизацией тенденция к снижению смертности не смогла закрепиться. Экстремальные факторы затормозили модернизацию смертности с количественной стороны, но ее качественный характер неизбежно менялся. Результаты этих изменений сказались, прежде всего, на показателях младенческой смертности, а также на структуре смертности.

Основной причиной снижения числа браков и роста разводов на Кубани и Ставрополье были деформации половозрастной структуры. Сократился средний размер семьи, выросла доля неполных семей, усилилась нуклеаризация.

Экстремальные факторы значительно деформировали половую структуру населения Кубани и Ставрополья, половая диспропорция здесь была существенно смещена в молодые возраста. В рассматриваемый период явно обозначилась тенденции старения населения, хотя половозрастные пирамиды Кубани и Ставрополья к концу 1950-х гг. еще сохраняли прогрессивную форму.

Модернизация привела к трансформации отраслевой и профессиональной структуры населения Кубани и Ставрополья: неуклонно росла доля занятых в нематериальном производстве, наблюдался рост квалифицированных кадров, выросла доля вовлеченных в общественное производство женщин. Однако, доля работающих в промышленности была невелика, большинство населения по-

прежнему было занято в сельском хозяйстве. К концу 1950-х гг. в регионе были фактически достигнуты показатели сплошной грамотности. Наибольшие успехи наблюдались в сфере преодоления неграмотности среди женщин и сельских жителей. Успешно решался вопрос повышения уровня образования: повсеместно увеличилось число специалистов со средним и высшим образованием.

В национальной структуре Кубани и Ставрополья, отличавшейся полиэтничностью, произошли кардинальные изменения: резко сократилась численность украинского населения и увеличилась численность русских. Решающую роль в этих изменениях сыграл голод начала 1930-х гг., депортации в ходе коллективизации, компенсаторные миграции и ассимиляционные процессы. В ходе этнических репрессий и депортаций конца 1930–1940-х гг. отдельные народы, традиционно проживавших в регионе, полностью выселены за его пределы.

Значительное влияние на развитие населения Кубани и Ставрополья в 1930–1950-х гг. оказали миграционные перемещения, которые отличались масштабностью, носили организованный и стихийный характер. Организованные миграционные потоки, регулируемые властью на основе административного подхода, с одной стороны решали задачи перераспределения демографических ресурсов с учетом нужд индустриализации, где сельскохозяйственным регионам, к которым относились Кубань и Ставрополье, отводилась роль донора. С другой стороны, организованные миграции компенсировали убыль населения, ставшую следствием голода и депортаций. Положительное влияние на демографическую ситуацию в регионе оказали стихийные миграции, обусловленные широко распространенным в массовом сознании образом «благодатного Юга».

Демографические процессы на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг. с одной стороны имели много общих черт, с другой отличались множеством специфических особенностей.

Опираясь на результаты проведенного исследования, учитывая опыт регулирования социально-демографических процессов, органам власти всех уровней, заинтересованным структурам гражданского общества при разработке и реализации различных мер в сфере демографического и социального развития как страны в целом, так и отдельных регионов, необходимо принять во внимание следующие рекомендации:

- представляется нецелесообразным использование определенных элементов административного регулирования процессов рождаемости, введения запретительных мер: запрета аборт, усложнение системы разводов, введение налога на бездетность и др.;

- необходимо учитывать инерционный характер процессов воспроизводства, эффект «демографического эха» при разработке и реализации соответствующих программ демографического развития;

- необходима разработка государственных программ с использованием новейших достижений в сфере здравоохранения, на поддержание репродуктивного здоровья населения, увеличения продолжительности здоровой жизни;

- необходима разработка миграционных программ с акцентом на их социальную значимость. В этом случае при переселении будут учитываться как

экономические интересы мигранта, так и социальные факторы: состав и лояльность принимающего общества в местах вселения, межнациональный климат, социальная защищенность и др.

– при разработке и проведении программ в демографической сфере необходимо всесторонне учитывать региональный фактор: природно-климатические условия, специфика социально-экономической деятельности населения, национальный состав, исторические особенности развития конкретных административно-территориальных единиц являются необходимыми факторами, требующими всестороннего анализа и учета при разработке и реализации соответствующих мероприятий, направленных на регулирование демографических процессов;

– назревшей потребностью становится проведение демографических исследований в режиме мониторинга, создание для этих целей соответствующих служб, поощрение научно-исследовательских проектов;

– необходима реализация программ, нацеленных на формирование благоприятного климата в межэтнических отношениях, включающих меры по интеграции иноэтничных мигрантов при одновременном формировании лояльности к иноэтничным переселенцам со стороны местных жителей, сохранение и развитие этнической идентичности, народов населяющих регионы страны, с приоритетом общероссийской гражданской идентичности.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Издания в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1. Ракачев, В.Н. Народонаселение Северо-Западного Кавказа по данным Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг.: проблема достоверности данных / В.Н. Ракачев // Теория и практика общественного развития: научный журнал – [Электронный ресурс]. – Краснодар, – 2011. – № 6. – С. 244–247 (0,6 п.л.). – Режим доступа: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2011/6/istoriya/rakachev.pdf

2. Ракачев, В.Н. Возвратные миграции на Северо-Западном Кавказе в 1943–1947 гг. / В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева, В.Н. Ратушняк // Теория и практика общественного развития: научный журнал – [Электронный ресурс]. – Краснодар, – 2011. – № 8. – С. 265–268 (0,3/0,6 п.л.). – Режим доступа: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2011/8/istoriya/ratushnyak-rakachevy.pdf

3. Ракачев, В.Н. Голод и его демографические последствия как результат государственной политики хлебозаготовок на Кубани и Ставрополье в 1930-е гг. / В.Н. Ракачев // Власть: общенациональный научно-политический журнал. – М., – 2012. – № 7. – С. 131–134 (0,8 п.л.).

4. Ракачев, В.Н. Компенсационные миграции 1930-х гг. на Кубани и Ставрополье / В.Н. Ракачев // Историческая и социально-образовательная мысль: научный журнал. – Краснодар, – 2012. – № 2 (12). – С. 60–64 (0,8 п.л.).

5. Ракачев, В.Н. Массовые политические репрессии 1930-х гг. и их влия-

ние на численность и структуру народонаселения Кубани и Ставрополя / В.Н. Ракачев // Общество и право: научно-практический журнал. – Краснодар, – 2012. – № 3 (40). – С. 55–61 (0,8 п.л.).

6. Ракачев, В.Н. Особенности брачно-семейной структуры населения Кубани и Ставрополя в 1930–1950-х гг. / В.Н. Ракачев // Научные проблемы гуманитарных исследований: научно-теоретический журнал. – Пятигорск, – 2012. – Вып. 4. – С. 57–68 (0,8 п.л.).

7. Ракачев, В.Н. Динамика грамотности и уровня образования населения Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг. / В.Н. Ракачев // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. Научный и социокультурный журнал. – М., – 2012. – Вып. № 4 (39). – С. 32–40 (0,6 п.л.).

8. Ракачев, В.Н. Оценка численности населения Кубани в 1930–1940-е гг. с использованием методов статистического моделирования / В.Н. Ракачев, А.А. Халафян // Историческая и социально-образовательная мысль: научный журнал. – Краснодар, – 2012. – № 5 (15). – С. 150–155 (0,45/0,9 п.л.).

9. Ракачев, В.Н. Изменение национальной структуры населения Кубани под влиянием социально-политических процессов 1930-х годов / В.Н. Ракачев // Теория и практика общественного развития: научный журнал – [Электронный ресурс]. – Краснодар, – 2012. – № 2. – С. 184–186 (0,5 п.л.). – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/2/istoriya/rakachev.pdf

10. Ракачев, В.Н. Миграционные процессы 1950-х гг. и их влияние на демографическую структуру народонаселения Кубани / В.Н. Ракачев // Теория и практика общественного развития: научный журнал – [Электронный ресурс]. – Краснодар, – 2012. – № 4. – С. 186–191 (0,8 п.л.). – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/4/istoriya/rakachev.pdf

11. Ракачев, В.Н. Демографические последствия политики коллективизации на Северном Кавказе и их фальсификация (по материалам всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг.) / В.Н. Ракачев // Теория и практика общественного развития: научный журнал – [Электронный ресурс]. – Краснодар, – 2012. – № 12. – С. 327–333 (0,8 п.л.). – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/12/istoriya/rakachev.pdf

12. Ракачев, В.Н. Влияние социально-политических процессов на трансформацию половозрастной структуры населения Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг. / В.Н. Ракачев // Теория и практика общественного развития: научный журнал – [Электронный ресурс]. – Краснодар, – 2013. – № 11. – С. 290–295 (0,9 п.л.). – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/11/istoriya/rakachev.pdf

13. Ракачев, В.Н. Национальный состав населения Кубани: история формирования и развития, демографический прогноз / В.Н. Ракачев, А.А. Халафян // Историческая и социально-образовательная мысль: научный журнал. – Краснодар, – 2013. – № 5 (21). – С. 206–210 (0,4/0,7 п.л.).

14. Ракачев, В.Н. Урбанизация и особенности расселения на Кубани и Ставрополе в 1930–1950-е гг. / В.Н. Ракачев // Историческая и социально-образовательная мысль: научный журнал. – Краснодар, – 2014. – № 2 (24). – С. 84–88 (0,8 п.л.).

15. Ракачев, В.Н. Применение кластерного анализа при изучении динамики численности населения районов Краснодарского края / В.Н. Ракачев, Н.Я. Богорсукова, А.А. Халафян // Вестник Северо-Кавказского федерального университета: научный журнал. – Ставрополь, – 2014. – № 2 (41). – С. 142–146 (0,2/0,5 п.л.).

16. Ракачев, В.Н. Динамика этнической структуры и этноязыковые процессы на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг. / В.Н. Ракачев // Вестник Северо-Кавказского федерального университета: научный журнал. – Ставрополь, – 2014. – № 3. – С. 185–189 (0,7 п.л.).

17. Ракачев, В.Н. Особенности отраслевой и профессиональной структуры населения Кубани и Ставрополья по материалам Всесоюзных переписей 1939 и 1959 гг. / В.Н. Ракачев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. – Тамбов, – 2014. – № 5 (43). Ч. 3. – С. 151–155 (0,8 п.л.).

18. Ракачев, В.Н. Социальная структура и занятия населения Кубани и Ставрополья в 1939–1959 гг. / В.Н. Ракачев // Теория и практика общественного развития: научный журнал – [Электронный ресурс]. – Краснодар, – 2014. – № 3. – С. 190–193 (0,6 п.л.). – Режим доступа: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/3/istoriya/rakachev.pdf

19. Ракачев, В.Н. Принудительные миграции на Кубани и Ставрополье в 1940-е гг.: формы, масштабы, последствия / В.Н. Ракачев // Экономические и гуманитарные исследования регионов: научно-теоретический журнал. – Ростов н/Д, – 2014. – № 6. – С. 9–13 (0,7 п.л.).

20. Ракачев, В.Н. Взаимоотношение местного и пришлого населения на Северо-Западном Кавказе в период реализации программ компенсационной миграции 1930-х гг. / В.Н. Ракачев // Власть: общенациональный научно-политический журнал. – М., – 2015. – № 1. – С. 175–179 (0,7 п.л.).

21. Ракачев, В.Н. Переселенческая политика в СССР в первое послевоенное десятилетие и ее реализация на Кубани и Ставрополье / В.Н. Ракачев // Власть: общенациональный научно-политический журнал. – М., – 2016. – № 11. – С. 181–186 (0,7 п.л.).

Монографии:

22. Ракачев, В.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность / В.Н. Ракачев, О.В. Матвеев, Д.Н. Ракачев. – Краснодар: Кубан. гос. университет, 2003. – 200 с. (5,0/12,5 п.л.).

23. Ракачев, В.Н. Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х–начало 2000-х гг.) / В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева. – Краснодар: Кубан. гос. университет, 2003. – 240 с. (10,0/15,0 п.л.).

24. Ракачев, В.Н. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование: В 4 т. Т. 1. 1900–1920-е гг. / В.Н. Ракачев, Я.В.

Ракачева / отв. ред. В.Н. Ратушняк. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. – 200 с. (8,0/12,5 п.л.).

25. Ракачев, В.Н. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование: В 4 т. Т. 2. 1930–1950-е гг. / В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева / отв. ред. В.Н. Ратушняк. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2006. – 267 с. (12,0/17,0 п.л.).

26. Ракачев, В.Н. Население Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование: монография / В.Н. Ракачев. – Краснодар: Кубан. гос. университет, 2017. – 350 с. (22,0 п.л.).

Другие публикации:

27. Ракачев, В.Н. Проблемы этнических миграций в Краснодарском крае / В.Н. Ракачев // IV Конгресс этнологов и антропологов России. Нальчик, 20–23 сентября 2001 года. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. – С. 250 (0,1 п.л.).

28. Ракачев, В.Н. Исторический опыт развития образования коренных народов Северного Кавказа / В.Н. Ракачев, Д.Н. Ракачев // Новый социальный порядок в России: основные черты и способы становления: Материалы Всерос. науч.-методолог. семинара, 25–27 апреля 2001 г.: в 2 ч. – Краснодар: Краснодарск. юридич. ин-т МВД России, 2001. Ч. 2. – С. 81–83 (0,1/0,2 п.л.).

29. Ракачев, В.Н. Этнодемографические процессы в Краснодарском крае в XX в. / В.Н. Ракачев. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2002. – 100 с. (5,8 п.л.).

30. Rakachev, V.N. Poly-ethnik constrained migration in poly-ethnik region of the Russian federation: a methodology of research of processes of social adaptation / V.N. Rakachev, V.N. Petrov // Russian Sociology: Changes and Problems. Abstracts of papers prepared by Russian sociologists to the ISA XV World Congress of Sociology. – М.: Russian society of sociologists, 2002. – P. 80–84 (0,2/0,4).

31. Ракачев, В.Н. Формирование этнической карты Кубани / В.Н. Ракачев // Открытый миръ. – 2002. – № 22. – С. 2–3 (0,7 п.л.).

32. Ракачев, В.Н. Поляки на Кубани: демографический аспект / В.Н. Ракачев // Поляки в России: XVII–XX вв.: Материалы междунар. науч. конф. Краснодар, 10–11 июля 2002 г. – Краснодар: Кубанькино, 2003. – С. 278–285 (0,5 п.л.).

33. Ракачев, В.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность / В.Н. Ракачев // V Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Омск, 9–12 июня 2003 г. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2003. – С. 303 (0,1 п.л.).

34. Ракачев, В.Н. Особенности этнодемографических изменений в г. Краснодаре в 1926–1989 гг. / В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева // Екатеринодар – Краснодар. 1793–2003. Вчера, сегодня, завтра: материалы науч.-практ. конф. – Краснодар: ООО «Фирма НСС», 2003. – С. 95–96 (0,15/0,3 п.л.).

35. Ракачев, В.Н. Современная демографическая ситуация и ее влияние на уровень толерантности в Краснодарском крае / В.Н. Ракачев // Социальный по-

рядок, толерантность и право: Материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. – Краснодар: Изд-во КЮИ МВД РФ, 2003. – С. 66–70 (0,3 п.л.).

36. Ракачев, В.Н. Этническая карта Кубани: история и современность / В.Н. Ракачев // СМИ и межэтнические отношения в Краснодарском крае. – Краснодар: ООО «Вольные мастера», 2003. – С. 20–27 (0,8 п.л.).

37. Ракачев, В.Н. Армяне на Кубани: демографический аспект / В.Н. Ракачев // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы междунар. конф. Ереван, 17–18 ноября 2003 г. – Ереван: Азарашен, 2003. – С. 261–262 (0,3 п.л.).

38. Ракачев, В.Н. Национальный состав населения Кубани по данным переписей населения СССР 1926, 1937 и 1939 гг. / В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Материалы II регион. науч. конф. – Краснодар: ООО «Вольные мастера», 2004. – С. 39–43 (0,3/0,5 п.л.).

39. Ракачев, В.Н. Принудительные миграции периода Великой Отечественной войны и их влияние на этнодемографическую структуру Краснодарского края / В.Н. Ракачев // Российское общество и войны XX века: материалы всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанькино, 2004. – С. 109–112 (0,3 п.л.).

40. Ракачев, В.Н. Влияние этнодемографических изменений на уровень конфликтности в Краснодарском крае / В.Н. Ракачев // Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры мира и согласия: Тезисы докладов и выступлений на II Международном конгрессе конфликтологов. – М.; СПб.: Наука, 2004. Т. 1. – С. 233–234 (0,2 п.л.).

41. Ракачев, В.Н. Особенности демографических процессов на Кубани в XX веке: этнический аспект / В.Н. Ракачев // VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тезисы докладов. – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 50 (0,1 п.л.).

42. Ракачев, В.Н. Этнодемографические процессы на Кубани в XX веке / В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева, В.Н. Ратушняк // Наука Кубани. – Краснодар, – 2005. – № 5. – С. 68–71 (0,2/0,5 п.л.).

43. Ракачев, В.Н. Влияние социально-политических процессов начала XX века на демографическую структуру народонаселения Кубани / В.Н. Ракачев // Сорокинские чтения: Будущее России: стратегии развития: тезисы докл. II Всерос. науч. конф. (14–15 декабря 2005 г.). – М.: Изд-во МГУ, 2005 – (0,3 п.л.).

44. Ракачев, В.Н. Всесоюзная перепись населения 1926 г. как источник изучения национального состава населения Кубани / В.Н. Ракачев // Грани 2005: Ежегодник факультета истории, социологии и международных отношений. – Краснодар: Изд-во Кубанского гос. университета, 2005. – С. 124–127 (0,3 п.л.).

45. Ракачев, В.Н. Особенности формирования народонаселения Кубани в XIX веке / В.Н. Ракачев // Наука Кубани. – Краснодар, – 2005. – № 5. – С. 75–78 (0,5 п.л.).

46. Ракачев, В.Н. Украинцы на Кубани: особенности демографической истории / В.Н. Ракачев // Кубань – Украина: Вопросы историко-культурного

взаимодействия. – Краснодар: Изд-во ОК-PRESS, 2006. Вып. 1. – С. 45–57 (1,0 п.л.).

47. Ракачев, В.Н. Влияние государственной политики 1950–1980-х гг. на этнодемографическую структуру Кубани / В.Н. Ракачев // Власть и общество в России: опыт истории и современность. 1906–2006 гг. (к 100-летию российского парламентаризма): материалы всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: Традиция, 2006. – С. 246–249 (0,4 п.л.).

48. Ракачев, В.Н. Этнические миграции 1930–1940-х гг.: характер и формы / В.Н. Ракачев // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Материалы III Всерос. науч. конф. – Краснодар: ООО «Компания Волонтер», 2006. – С. 122–125 (0,5 п.л.).

49. Ракачев, В.Н. Сербский след в истории Кубани / В.Н. Ракачев, О.В. Матвеев // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 3: Памяти В.П. Попова. – Краснодар: Изд-во «Мир Кубани», 2007. – С. 171–193 (0,5/1,0 п.л.).

50. Ракачев, В.Н. Особенности изменения демографического состава населения Кубани во второй половине XX века / В.Н. Ракачев // Сбережение народа: традиционная народная культура. Материалы науч.-практ. конф. – Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2007. – С. 9–14 (0,4 п.л.).

51. Ракачев, В.Н. Особенности формирования народонаселения Кубани в XIX в. / В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева // Кавказский сборник. – М.: Изд-во НП ИД «Русская панорама», – 2007. – № 4 (36). – С. 103–125 (0,5/1,0 п.л.).

52. Ракачев, В.Н. Национальная политика в Краснодарском крае в 1930-е гг. / В.Н. Ракачев // Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития Кубани. К 70-летию со дня образования Краснодарского края и 215-й годовщине основания казаками кубанских земель: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. XII Адлерские чтения–2007. – Краснодар: Традиция, 2007. – С. 223–225 (0,3 п.л.).

53. Ракачев, В.Н. Сельское население Кубани на рубеже XIX–XX вв. (социально-демографический аспект) / В.Н. Ракачев // Фелицынские чтения (IX). – Краснодар: ООО «А-Адамс», 2007. – С. 96–102 (0,4 п.л.).

54. Ракачев, В.Н., Кубанская станица в 1932–1933 гг.: наказание голодом / В.Н. Ракачев, В.А. Кумпан, Я.В. Ракачева, В.Н. Ратушняк // Вклад фундаментальных исследований в развитие современной инновационной экономики Краснодарского края. – Краснодар: ООО «Просвещение-Юг», 2007. – (0,1 п.л. – в неразделенном соавторстве).

55. Ракачев, В.Н. Материалы к историко-этнографическому справочнику «Народы Кубани»: белорусы / В.Н. Ракачев, Н.И. Бондарь, О.В. Матвеев // Мир славян Северного Кавказа. – Краснодар: Кубанькино, 2008. Вып. 4. – С. 190–195 (0,4 п.л. – в неразделенном соавторстве).

56. Ракачев, В.Н. Особенности миграции сельского населения Кубани в 1930-е гг. / В.Н. Ракачев // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы: XXXI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений. Вологда, 23–26 сентября 2008 г. – М.: ОИФН РАН, 2008. – С. 143–144 (0,2 п.л.).

57. Ракачев, В.Н. «Новые диаспоры» в Краснодаре: проблемы адаптации и взаимоотношения с местным населением / В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева // Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии: Тематический сборник. – Новосибирск; Семей: Научно-издательский центр Семипалатинск. гос. ун-та им. Шакарима, 2008. Вып. 9. – (0,4/0,7 п.л.).

58. Ракачев, В.Н. Урбанизационные процессы на Кубани в конце XIX – первой половине XX в.: масштабы и специфика / В.Н. Ракачев // Российское общество: историческая память и социальные реалии: Материалы науч.-практ. конф. XIV Адлерские чтения – 2008. – Краснодар: Традиция, 2008. – С. 234–236 (0,3 п.л.).

59. Ракачев, В.Н. Этнический состав населения Кубани / В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева // Кубановедение от А до Я. Энциклопедия. – Краснодар: Традиция, 2008. – С. 555–556 (0,2 п.л. – в неразделенном соавторстве).

60. Ракачев, В.Н. Динамика урбанизационных процессов в Краснодарском крае в 1950–1980-е гг. / В.Н. Ракачев // Северный Кавказ: традиции и современность: Материалы конференции получателей грантов РГНФ и администрации Краснодарского края. – Краснодар: ООО «Просвещение-Юг», 2008. – С. 11–12 (0,1 п.л.).

61. Ракачев, В.Н. Голод 1932–1933 гг. на Кубани и его демографические последствия / В.Н. Ракачев // Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Посвящается 70-летию В.Г. Захарченко. – Краснодар: ООО «Картика», 2008. Вып. 3. – С. 325–344 (2 п.л.).

62. Ракачев, В.Н. Изменения этнического состава Краснодара в XX веке: проблемы и перспективы / В.Н. Ракачев // Материалы VIII Конгресса этнографов и антропологов России (г. Оренбург, 1–5 июля 2009 г.). – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2009. – С. 302 (0,1 п.л.).

63. Ракачев, В.Н. Особенности демографического состава городского населения Кубани в середине XX века / В.Н. Ракачев // Личность, общество, государство. Проблемы развития и взаимодействия: межрегион. науч.-практ. конф., 2–6 окт. 2009 г. – Краснодар: Традиция, 2009. – С. 341–343 (0,3 п.л.).

64. Ракачев, В.Н. Государственная политика хлебозаготовок 1932–1933 гг. на Кубани и её демографические последствия / В.Н. Ракачев // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 г.: Материалы науч.-практ. конф. – Краснодар: Традиция, 2009. – С. 129–140 (0,8 п.л.).

65. Ракачев, В.Н. Краснодарский край в период оккупации (историко-демографический анализ) / В.Н. Ракачев // Социология социальной реальности: методология, теория, методика исследований явлений и процессов. Сборник статей и материалов преподавателей, аспирантов и соискателей кафедры социологии Кубанского государственного университета. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2010. Т. 1. – С. 178–187 (0,9 п.л.).

66. Ракачев, В.Н. Миграционная политика как механизм восполнения демографических потерь народонаселения на Кубани в 1930-е гг. / В.Н. Ракачев // Проблема национальной безопасности России в XX–XXI вв.: уроки истории и вызовы современности: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Адлерские чтения; XIX). – Краснодар: Традиция, 2011. – С. 271–273 (0,3 п.л.).

67. Ракачев, В.Н. Демографические процессы на Северо-Западном Кавказе в 1940-е гг. / В.Н. Ракачев // Общество: философия, история, культура: научный журнал. – Краснодар, – 2011. – № 3–4. – С. 90–97 (0,9 п.л.).
68. Ракачев, В.Н. Население Кубани по материалам переписи 1939 г.: проблема достоверности данных / В.Н. Ракачев // Историческая демография. Научный журнал. – Сыктывкар, – 2011. – № 1. – С. 92–93 (0,1 п.л.).
69. Ракачев, В.Н. Социальная структура и источники средств существования народонаселения Кубани по данным Всесоюзной переписи 1959 г. / В.Н. Ракачев // Общество: философия, история, культура: научный журнал. – Краснодар, – 2012. – № 2. – С. 51–54 (0,5 п.л.).
70. Ракачев, В.Н. Белорусы на Кубани: история формирования и современное состояние этнической общности / В.Н. Ракачев // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия: материалы Всерос. науч.-просветит. конф., 5–9 окт. 2012 г. (Адлерские чтения 22). – Краснодар: Традиция, 2012. – С. 223–226 (0,3 п.л.).
71. Ракачев, В.Н. Опыт демографического прогнозирования с применением методов статистического моделирования (на примере Краснодарского края) / В.Н. Ракачев, А.А. Халафян // Общество: философия, история, культура: научный журнал. – Краснодар, – 2013. – № 4. – С. 23–32 (0,4/0,9 п.л.).
72. Ракачев, В.Н. Этнический аспект государственной политики по управлению миграциями в 1920–1940-е гг. на Северо-Западном Кавказе / В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева // Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2013. – С. 134–142 (0,3/0,6 п.л.).
73. Ракачев, В.Н. Национальный состав населения Кубани: опыт демографического прогнозирования / В.Н. Ракачев, А.А. Халафян // X Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов (Москва, 2–6 июля 2013 г.). – М.: ИЭА РАН, 2013. – С. 242 (0,1 п.л. – в неразделенном соавторстве).
74. Ракачев, В.Н. Ретроспективный анализ демографических потерь населения Кубани в 1930-е гг. с использованием методов вероятностно-статистического моделирования / В.Н. Ракачев, А.А. Халафян // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. Материалы VIII Междунар. науч. конф. – Краснодар: Экоинвест, 2013. – С. 42–51 (0,4/0,8 п.л.).
75. Ракачев, В.Н. Вероятностно-статистическое моделирование и прогнозирование этнодемографических процессов на Кубани / В.Н. Ракачев, А.А. Халафян // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференция. Краснодар, 10 дек. 2014 г. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2014. – С. 346–360 (0,5/0,9 п.л.).
76. Ракачев, В.Н. Социально-политические условия развития советского общества в 1930-е гг. и их влияние на демографическую динамику / В.Н. Ракачев // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. – Краснодар, – 2014. – № 3–4. – С. 169–174 (0,5 п.л.).

77. Ракачев, В.Н. Проблемы и перспективы изменения численности населения в административно-территориальных образованиях Краснодарского края: кластерный анализ демографических процессов / В.Н. Ракачев, А.А. Халафян // Общество: политика, экономика, право: научный журнал. – Краснодар, – 2014. – № 1. – С. 13–21 (0,5/0,9 п.л.).

78. Ракачев, В.Н. Особенности размещения населения и процессы урбанизации на Кубани в первой половине XX века / В.Н. Ракачев // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сб. науч. статей Всерос. конф. с междунар. участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). – Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2015. – С. 394–403 (0,7 п.л.).

79. Ракачев, В.Н. Советская миграционная политика 1930-х гг. и ее влияние на процессы межкультурного взаимодействия на Северо-Западном Кавказе / В.Н. Ракачев // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. – М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. – С. 130–131 (0,1 п.л.).

80. Ракачев, В.Н. Семантические сетевые структуры для пространства знаний предметной области «Историческая демография» / В.Н. Ракачев, В.Ю. Белкин, К.И. Костенко, Б.Е. Левицкий // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии: сборник научных статей. Труды XVIII объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2015), Санкт-Петербург, 23–25 июня 2015 г. – СПб.: Университет ИТМО, 2015. Т. 1. – С. 42–54 (0,3/0,9 п.л.).

81. Ракачев, В.Н. Ретроспективное вероятностно-статистическое моделирование – как способ мотивации к познанию прикладных математических знаний студентами гуманитарных специальностей (на примере демографической статистики 1930–1940-х гг.) / В.Н. Ракачев, И.С. Халафян // Труды международной научной конференции 28 сентября – 2 октября 2015 г., Армения, Горис, Москва, РУДН. – Ереван: Астхик Гратун, 2015. Т. 1. – С. 532–535 (0,2/0,4 п.л.).

82. Ракачев, В.Н. Советская модель управления миграцией и ее реализация на Северо-Западном Кавказе / В.Н. Ракачев // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 1 декабря 2015 г. – Майкоп: Качество, 2015. – С. 213–228 (1,0 п.л.).

83. Ракачев, В.Н. Армяне на Кубани: особенности формирования и развития этнической общности, демографический прогноз / В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева, А.А. Халафян // Армяне Поволжья и Юга России: история и современность: Материалы II Всерос. науч. конф. (Саратов, 15–16 апреля 2016 г.). – Саратов: ООО Изд. Центр «Наука», 2016. – С. 107–114 (0,2/0,5 п.л.).

84. Ракачев, В.Н. Демографические изменения на Кубани и Ставрополье в 1930-е гг.: проблема достоверности данных / В.Н. Ракачев // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Сб. ст. VII Уральский демографический форум с междунар. участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. Т. I. – С. 111–116 (0,8 п.л.).

85. Ракачев, В.Н. Советская семья в 1920–1930-е гг.: эксперименты в области социального конструирования / В.Н. Ракачев // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой междунар. науч. конф.

РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. – Смоленск; М.: Изд-во СмолГУ; ИЭА РАН, 2016. Т. 1. – С. 74–76 (0,3 п.л.).

86. Ракачев, В.Н. Урбанизационные процессы на Кубани и Ставрополье в 1930-е гг.: реализация советской модели модернизации / В.Н. Ракачев // Периферийный город и горожанин в пространственно-временной ретроспективе: особенности национальной идентичности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 20–21 окт. 2016 г.). – Ростов н/Д: Изд-во Южного федеральн. ун-та, 2016. – С. 217–223 (0,6 п.л.).

87. Ракачев, В.Н. К вопросу об организации переселения красноармейцев Белорусского военного округа на Кубань и Ставрополье в 1930-е гг. / В.Н. Ракачев // Труды БГТУ (Белорусского государственного технологического университета): научный журнал. Серия: История, философия, филология. – Минск, – 2016. – № 5 (187). – С. 51–55 (0,6 п.л.).

88. Ракачев, В.Н. Национальный вопрос в публичной политике советского государства 1920–1930-х гг. и его влияние на демографические процессы / В.Н. Ракачев // V Столыпинские чтения: Публичная политика и социальные науки: Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 15–16 апреля 2016 г.). – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2016. – С. 383–389 (0,5 п.л.).

89. Ракачев, В.Н. Проблема взаимодействия местного и пришлого населения в ходе плановых переселений 1950-х гг. в Краснодарском крае / В.Н. Ракачев // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. – М.; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. – С. 323–324 (0,1 п.л.).

90. Ракачев, В.Н. Советские компенсационные миграции 1930-х гг. и их влияние на процессы социального взаимодействия на Северо-Западном Кавказе / В.Н. Ракачев // Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (к 50-летию кафедры народонаселения). (Девятые Валентеевские чтения): сборник статей и тезисов выступлений. – М: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. – С. 437–444 (0,8 п.л.).

91. Ракачев, В.Н. Гендерная революция: советская семья в 1920–1930-е гг. / В.Н. Ракачев // Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв. (к 100-летию Русской революции): Материалы научной конференции «XI Ковалевские чтения» 9–11 ноября 2017 года. – СПб.: Скифия-принт, 2017. – С. 257–259 (0,3 п.л.).

92. Ракачев, В.Н. Советский опыт национально-государственного строительства на Кубани и Ставрополье / В.Н. Ракачев // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы науч.-практ. конф. – Краснодар: ООО «Ковчег», 2017. – С. 243–256 (0,8 п.л.).

93. Ракачев, В.Н. Население Карачаево-Черкесии в 1930–1950-е гг.: специфика демографического развития / В.Н. Ракачев // Карачаево-Черкесия в социокультурном пространстве Кавказа, 25 лет Карачаево-Черкесской Республике, 85 лет Карачаево-Черкесскому ордену «Знак Почета» институту гуманитарных исследований при Правительстве КЧР: Сб. статей Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Черкесск, 3–4 окт. 2017 г. – Черкесск: Медиа-Полис, 2017. – С. 203–209 (0,5 п.л.).

94. Ракачев, В.Н. Социально-политические условия развития советского общества в 1930-е гг. и их влияние на демографическую динамику / В.Н. Ракачев // VI Столыпинские чтения. Социально-политическая и экологическая безопасность как политический курс стратегического развития современной России: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2017. – С. 418–422 (0,6 п.л.).

95. Ракачев, В.Н. Реабилитационные процессы 1950-х гг. и их влияние на миграционную мобильность населения Кубани и Ставрополья / В.Н. Ракачев // PRIMO ASPECTU: научный журнал. – Волгоград, – 2017. – № 2 (30). – С. 27–31 (0,5 п.л.).

96. Ракачев, В.Н. Переселение жителей Краснодарского и Ставропольского краев в Крым и на Северный Кавказ в 1940-е гг. в ходе реализации программы компенсационной миграции / В.Н. Ракачев // Парадигмы истории и общественного развития. – Севастополь, – 2017. – № 6–7. – С. 25–29 (0,8 п.л.).

97. Ракачев, В.Н. Особенности миграционных процессов на Северо-Западном Кавказе в период Великой Отечественной войны / В.Н. Ракачев // Кавказский сборник. – М.: Аспект Пресс, 2017. Т. 10 (42). – С. 241–268 (2,1 п.л.).

Ракачев Вадим Николаевич

**НАСЕЛЕНИЕ КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ В 1930–1950-е гг.:
ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Подписано в печать 23.03.2018 г. Формат 60 x 84 1/16.
Печать цифровая. Уч.-изд. л. 2,25. Тираж 100 экз. Заказ № _____
Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.